

ms. 6562

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ

Дело № 23

Дневник

Андрюченко Д. М.

состояло в меня 7 человек.

VI

ан
8

32 а

Уважаемые товарищи!

Посылаю Вам небольшой свой труд, где я
хочу вывить маленькую долю правды, в общую
картину, рисующую ужасную картину фашистского
уга. Ви это здесь описано я пережил сам.

Прошлов это - я лично. Мои записи это - путь
простого человека, сражавшегося за Родину.

Пусть знает каждый что из себя представляет
фашизм. Пусть каждый поставит свою
жизнь делу борьбы с германскими силами
фашизма, за демократию, за победу
коммунизма во всем мире.

Андрюшенко Ф. Я.

г. Краснодарский край.
г. Икореев, ул. Пролетарская 51-1
Андрюшенко Ф. Ибрагим Мухомович.

Когда Громов пришел в сознание, он не мог понять, где он находится. Вечерние сумерки окутывали маленькое окошко, часто переплетенное толстыми железными прутьями. Он лежал на цементном полу с полусогнутыми ногами, так как протянуть ноги не было возможности, ввиду малых размеров помещения. Камера, в которую его бросили, напоминала могильную яму. Длина ее была 1 метр 20 см, ширина 40 см, высота 3 м. 50 см. Толщина стен доходила до метра. Стены были сырые, покрытые плесенью. В одном углу потолка было маленькое отверстие размерами 10x10 см. В нижней части двери также было отверстие таких же размеров. Эти отверстия были сделаны с целью создания сквозняков. Такие камеры назывались колодцами смерти. Огромные массивные двери закрывались большими висячими замками. Стук и крики еле доносились в камеру. По коридору ходил часовой, мерно выстукивая строевым шагом, одностопный, надоедливый ритм. Черная одежда с серыми манжетами и околышками на воротнике, пилотка и сильно выдающимся подбородком, на котором была прикреплена свастика смерти, напоминала какую-то сатаническую силу, несущую человеку страдания и смерть. Длинной нитью тянулись мысли. Много он передумал за эту ночь. Он вспомнил июнь месяц 1941 г. Первые принимали бой с врагом. Как приходилось переживать, когда части Красной Армии отходили на восток, покидая родные земли. Два раза раненый Громов не оставил поля боя, учитывая критический момент, когда дорог каждый солдат. Шестой раз вступили в бой под Картуз-Березой. Здесь Громов получил третье ранение и контузию. Что было дальше он не помнит. Когда пришел в чувство, то лежал в маленькой комнате, на деревянной кровати, больше похожей на топчан. Над ним хлопотала старушка Рина Семеновна. На улице была слышна стрельба, визг пробегающих автомашин, грохот танков, треск мотоциклов — это фашистские полчища вступили в гор. Бобруйск. Раны болели. В голове стоял несмолкающий шум. Он вспомнил свое детство одинокое, без отца и матери. Его приласкала Родина, вырастила и воспитала его, сделала его человеком. Вот почему так дорога для него Родина. Вот почему он дрался с врагом, не на жизнь, а на смерть. Он жил, рос, радовался каждому событию в жизни Родины. Живя всегда верой в победу Красной Армии, он со всей энергией стал на борьбу с врагом. Еще не зажили раны, еще часто сопровождали припадки, а он занялся диверсией в тылу врага. Убивает офицера войск СС во дворе милиции по улице Карла Маркса № 12. Поджигает дом № 34 по улице Толстого, где были расположены немецкие коммунистические. Убивает 5 солдат и двух офицеров в садике питомника совхоза им. Штерна (пригород г. Бобруйска) во время их пьянки. Ограбляет склад третьего отделения полиции, с часовым мастером Пироговым, добыв при этом мины, гранаты, оружие. Взрывает немецкий эшелон в самом городе Бобруйске, около Пушкинского переезда. Восемь цистерн, около 1000 бочек с авиабензином, 25 машин, 4 дальнобойных орудия, 32 солдата, 8 офицеров, едущих на фронт уничтожил один человек полукалека. 48 человек военнопленных провел в партизаны из Бобруйской крепости. Девятнадцать номеров листовок, тиражом по 20 экземпляров каждого номера написал от руки. Это были маленькие бумажки, написанные о лживой пропаганде фашистской клики. Но они в бешенство приводили всю клику Бобруйска, когда они появлялись около биржи труда,

 6562
 1989.23

около управы города, около немецкой комендатуры, рядом со сводками, у ворот Мармеладной фабрики Халтурина, завода им. Сталина. Подпись "Москва", которую он всегда ставил в конце листовки, всегда стояла в глазах жандармерии, гестапо, полиции. Даже майор Моли - быв. комендант г. Бобруйска, объявил по радио - кто укажет место нахождения бандита по кличке Москва, тот получит денежное вознаграждение 2 тыс. марок. А после четвертого номера листовки добавил еще 3 тыс. марок. И попадись в руки фашистов, они бы без всякого повесили за одну только такую листовку. Но никто не могло поколебать благородную веру в победу над врагом. Никакой страх не мог победить патриотизм советского человека. Потеряв своих соучастников по диверсии - часового мастера Пирогова и бывшего военнопленного Пушкарёва, который попал в руки жандармерии, Громов не прекратил свою деятельность. Пришлось 9 раз менять место укрытия. Шпионы, жандармерия напали на след, но борьба продолжалась. В эти напряженные минуты, когда, когда фронт стоял недалеко от Паричи Рогачеца, враг перебрасывал свое войско с одного участка фронта на другой, используя железную дорогу Бобруйск - Паричи. В час ночи раздался взрыв, мост полетел на воздух. Двое суток не шли поезда, двое суток не поступало на фронт подкрепление и снаряжение. В воздух взлетели машины с двадцатью солдатами и офицером на Минском шоссе около кладбища. Все это делал один простой человек, выполняя свой долг перед Родиной, находясь в тылу врага. Город оцепили. Два полка бросили на проческу города. Надо было поймать оставшихся евреев и диверсантов. Громов находился в г. Бобруйске, по Рабочей ул., д. № 1 у старушки Барановской, той самой старушки, сын которой пал героем при освобождении Польши.

Дом был оцеплен немцами и полицией. Бросив гранату, Громов вырвался во двор, он пустился бежать вдоль болотистой речушки, ведущей за город. За ним гналось до 30 чел. Единственный пистолет, в котором было 8 патронов, являлся средством защиты. Громова хотели взять живым. Последний патрон Громов оставил для себя. Враг окружил со всех сторон - спасения нет.

- Прощай, Родина! - крикнул Громов, наставив пистолет в висок. Щелкнул курок, но выстрела не произошло, патрон оказался негодным. Изверги набросились на Громова. Избитого до потери сознания, Громова доставили в СД. И вот он теперь здесь - в руках палачей. Ночь прошла в размышлениях и воспоминаниях. Ужасные боли терзали сердце. В пять часов дверь открылась. В камеру заглянул полицейский - дежурный по тюрьме.

- На оправку пойдешь? - спросил он дерзким голосом на русском языке.

- Продажная шкура, - проговорил Громов.

Не получив ответа на заданный вопрос, дежурный со злостью захлопнул дверь. Слышно было, как следующие камеры открывались и закрывались. Кто был согласен идти на оправку, того сопровождали два человека - немец и полицейский. Идти шагом не разрешалось, только бегом. Сопровождающие били заключенного резиновыми палками. В уборной разрешалось находиться только одну минуту. После оправки шла утренняя зарядка, как выражались все работники СД. Немцы, полицейские и следователь открывали каждую камеру и давали каждому заключенному столько резиновых палок, сколько ему было предписано следователем на сегодняшний день. Палачи ссорились между собой, заливаясь смехом.

Завтрак

Завтрак начинался всегда в 7 часов. Эта установка выполнялась точно, потому что смена дежурств происходила в 8 часов и первая смена должна была провести завтрак. Каждый заключенный получал 80 гр. хлеба, спеченного, или вернее слепленного, с гречневой шелухи, ржаных отходов и прелой сои — сырой, горбкий, колючий. Кроме этого — давалось 100 гр. горячей воды, которая никогда не кипятилась и имела тухлый запах — вот весь завтрак. Воду раздавали в банках из-под консервов, которые брали в мусорных ямах, куда их выбрасывали воинские части. Банки никогда не мылись, воняли, а иногда были черви. Через пять минут, с момента раздачи, консервные банки собирались. Кто не выпивал воду за это время, потому что она была противная до рвоты, тому выливали воду на голову или за ворот. Если замечали, что воду вылили на пол (землю), того заставляли лизать языком.

Первое испытание

В девять часов утра начинался рабочий день в следственном отделе. Громов сидел на цементном полу, прислонившись спиной к стене. Дрожь пробегала по нему, вызывая судорожные вздрагивания всего тела. Хлеб лежал около него на полу, по уоторому ползали десятки пруссаков, пожирая суточный паек Громова. Это временные гости, попавшие через отверстие, чтобы найти себе пищу. Загремел запор. Открылась дверь. Громов перевел свой взгляд с пруссаков, за работой которых он наблюдал, на человека, стоящего у двери. Высокий мужчина, пожилых лет, худощавый на лицо, с длинным носом, с большими зелеными глазами, с выдающейся нижней челюстью. Весь его облик напоминал обезьяну. Это был старший следователь Шкуратов. Сам он русский эмигрант. Ярый палач русского народа в прошлом. Теперь вернулся в Россию, чтобы отомстить за свое изгнание. И вот он беспощадно стал карать русский народ, никому не давая пощады. Старики, женщины, дети — все попадали под его грозный меч смерти. На одну сотню людей он сжег живыми, выезжая на борьбу с партизанами. Он сделал отвратительную гримасу лица с ехидной улыбкой.

— Вам, наверное, трудно? Закурите пожалуйста, — он подал сигару.

— Не нуждаюсь вашими подачками. Это только вы продались немцам за кид сигары.

— Идите со мной, — сказал сухо и отрывисто Шкуратов, сильно озлобленный словами Громова.

Немец и полицейский связали Громову назад руки, увели на второй этаж. Пройдя под длинному коридору, вошли в угловую комнату. Комната была небольшого размера. Из мебели стоял стол, покрытый черной скатертью, шкаф черного цвета, мягкое кресло и венский стул — вот вся обстановка кабинета следователя Шкуратова.

— Садитесь, — пригласил Шкуратов Громова, — указав рукой на венский стул, стоящий в стороне от стола.

Шкуратов вытащил из кармана пистолет, положил на стол, закурил душистую сигару, достал несколько листов бумаги из ящика стола, поправил очки, кашлянул два раза, как будто готовился держать речь, обратился к Громову. — Теперь мы с вами

ударился лбом о стенку, хотел обернуться лицом к двери, как дверь захлопнулась, сильно прижав Громова к стене. Дверь захлопнулась на шесть суток. Шесть суток без капли воды и пищи в невыносимой вони, сырости, в неприглядной темноте должен провести человек. Все тело горело от сильных побоев, ноги млели, немели от постоянного стояния. Приходилось стоять на одной ноге, давая отдых другой. От сырых каменных стен веяло холодом, точно в леднике соприкасаешься спиной ко льду. А на дворе завывала вьюга. Холодные потоки воздуха, с мелким порошистым снегом, врывались в маленькое отверстие камеры, напоминая своим воением слова Пушкина: "То как зверь она завоет, то заплачет как дитя". Желудок требовал пищу. Ведь уже двое суток не ел и не пил. Но особенно сильно хотелось пить. Все пересохло во рту. Губы кажется стали чужими, не стали даже повиноваться воле. Вспоминал о вкусных кушаньях, стараясь вызвать слюну, чтобы хотя немного освежить во рту. Но напрасны были старания. От сильной изнуренности нервной системы бросало в сон. Ноги подкашивались и тело точно мертвого человека опускалось вниз. Но узость пространства не давалась спуститься на пол и тело задерживалось между двух стенок на чуть согнутых ногах. И снова много усилий, чтобы подняться наверх, облегчить нагрузку ног. Снова встревоженная мысль уносилась в поисках прошлого и настоящего. Из прошлого было дорого то, что называют юностью. Самая светлая страница в жизни. Счастливы и радостно прошли юные годы Громова. Он стал человеком, членом великой семьи советских людей, строящих прекрасную жизнь. Теперь дорога Родина, когда идет великая битва за ее будущее. Только за спасение Родины он сидит в этих стенах, полон сил и веры в торжество народной победы. Снова мысли обрывались, точно тишина набежавшим ветром. На четвертые сутки жажда и еда исчезла. Теперь, казалось, положено жить без пищи. Но жить, жить хотелось невыносимо. Казалось сказочным представление о воде. Никогда не приходило в голову, что вода имеет такую ценность. До того возросла жажда пить, что решился написаться этой грязной вонючей водой, которая покрывала пол камеры. Но узость камеры не позволяла наклониться. Даже руки не доставали до пола, чтобы смочить их, после чего слизать языком с них влагу. Шли последние сутки - самое мучительное время. На ногах образовался отек. Ослабевшее тело опускалось вниз, целиком зависло между двух стен. Голова клонилась на бок. Все больше и больше посещали сновидения. Глаза отказались смотреть. Сегодня откроется дверь.

Второе испытание.

В десять часов дверь открылась. Ослабевшее тело Громова повалилось, точно мертвое, на пол коридора. Глаза отказывались смотреть на свет. Перед Громовым стояло три палача: следователь Дангут - немец по национальности, полицейский и немец. - Поднимайтесь, вежливо обратился Дангут к Громову на русском языке. Но видя, что Громов не в силах подняться, он дал знак кивком головы немцу и полицейскому, чтобы подняли. Взяв под руки Громова, снова завели на второй этаж, в другой кабинет такого же типа. Немец и полицейский удалились, оста-

вив Громова на стуле, около стола следователя, Лангут поставил перед Громовым стакан воды, до того чистой воды, что казалось, что в стакане не было ничего кроме воздуха. Жажда пить заставила Громова взять стакан. Но только стакан коснулся губ, как дрожащая слабая рука выпустила его и он упал на пол, разбившись вдребезги. Лангут опять подошел к Громову, положил развернутую газету, на которой лежали белый хлеб, два яйца, колбаса, плитка шоколада.

- Кушайте пожалуйста, - подхалимно произнес он. - Немецкий народ хороший, не то, что русский. Мы всегда готовы помочь человеку.

Злость закипела на сердце Громова.

- Вы пришли на чужую землю, принесли нашему народу смерть, голод, тюрьмы, слезы, страдания, рабство. Но ничем не сломить вам великую народную силу советского народа. Воля к победе, которой живет каждый советский человек, сильнее всех ваших пыток. Вы губите сотни, тысячи людей, но на место их встают миллионы, неся гордо вперед знамя победы. Близок день, когда вы будете разбиты наголову. Ваши знамена будут валяться у ног простого человека советской земли. С презрением в веках будут вспоминать о вас народы мира. Собрав последние силы, Громов замахнулся рукой и бумага с соединенным полетела на пол. Как хотелось есть, но сила воли, гордости своего положения побеждала инстинкт к пище. Лангут неэвничал, но слушал Громова.

- Напрасно так дерзко, - проговорил он, когда все полетело на пол.

- Тогда давайте побеседуем. Надеюсь вы скажете всю правду, за что немецкое командование дарит вам свободу и гарантирует сохранность вашей жизни. Вы должны сказать о бандитах, диверсантах, партизанах, с которыми вы имели связь. Больше от вас ничего не требуется и вы свободны. Это слова не мной сказанные, но самим фюрером Адольфом Гитлером. Все вы - палачи, начиная тобой и кончая Гитлером. Все вы губите все благородное, что ни попадает на вашем пути. Вам нужны жертвы, кровь, пожары, страдания народа, что дает вам высшее наслаждение в жизни. Вы - самые величайшие преступники и бандиты. Мне противно, когда передо мной палач, занесший надо мной секиру смерти, просит крови других людей. Мы, советские люди, умирая за родину, умираем честно и благородно, не изменяя своему делу. Я смогу сказать только одно: бил я вас, фашистов, и буду бить, пока еще стучится сердце в моей груди. Смерть для меня не страшна. Умереть не страшно, но страшно не жить. Больше ничего не скажу. Громов говорил с такой силой, с таким напряжением чувства, что голос его то бурно повышался, то приходил в упадок.

- Так ты не будешь говорить? - сразу переклочился с вы на ты Лангут, ошеломленный словами Громова. - Врешь, скажешь все, что требуется для нас, пока ты в наших руках. Дежурный!

На крик Лангута вошли немец и полицейский. - Тридцать! " крикнул в ярости Лангут.

Громов стоял молча, гордо приподняв голову, глядя куда-то вдаль. Засвистали плети. Одежда полетела клочьями. Проволочные наконечники врезывались в тело. Кровь сочилась из рассеченных мест. Но Громов не стонал, не просил пощады.

Изуродованного, окровавленного Громова бросили в камеру № 11.

Камера № 11

Палачи искали другой путь выявления связи Громова. Они бросили его в камеру № 11. В эту же камеру бросили шпиона, который должен был проследить за Громовым. Эта камера была рассчитана на 18 чел. В ней были сделаны двухэтажные нары. Нары кишели миллионами клопов, им нельзя было дать счета. Клопы не давали покоя ни днем ни ночью. На стенах, на нарах, под нарами, в штанах, рубашках, — всюду было полно клопов. От нечего делать, чтобы быстрее проходило время, заключенные принимались охотиться за клопами. Стены были буквально залиты кровью. Не было места, чтобы где бы можно воткнуть иголку, чтобы не попасть на место, где был раздавлен клоп. Как будто с целью облили эти стены кровью, чтобы сильнее воздействовать на психику человека. Устраивали соревнование, кто больше убьет клопов. Каждый насчитывал 500-700, но скоро надоедало это и все бросали это занятие. Только один старик, который сидел под следствием около 4 месяцев, никогда не имел усталости в охоте за клопами. Его прозвали истребителем. В этой камере сидело 50 чел. Стоя, сидя, склонясь друг к другу засыпали измученные люди. Человек, который попадал сюда с воли, падал в обморок, появлялись рвоты, сильные головные боли.

Громов пришел в чувство в тот момент, когда раздавали обед.

Обед

В час дня начинался обед. Женщина, которая тоже была из заключенных с дежурным по тюрьме, разносила обед. Обед всегда состоял из одного блюда и обязательно супа. Супы были разные. Один день готовили из очисток картофеля, которые обычно собирались в мусорных ямах при воинских частях; другой день из гнилой необрушенной гречихи; третий день из ячменных отходов прямо с остоками и шелухой. Суп приносили в консерв-

ной банке, которые также никогда не мылись. Каждый получал 300 гр. супа. Из порции супа можно было собрать половину столовой ложки гущи, да и то мусор и земля, а остальное — грязная вонючая вода, совершенно не соленая и ничем не заправленная. Ложки не давали да они и не нужны были. Время выпить суп давалось ограниченное. Банки сильно нагревались. Тухлый запах супа вызывал рвоту. Казалось выпить бы ложку воды и то было бы здоровее. После обеда рабочий день в следственном отделе заканчивался.

Послеобеденное время было самое томительное. В коридоре наступала мертвая тишина: не слышно шагов дежурного, ни стука запоров открывающихся и закрывающихся дверей. Ни шагов проходящих заключенных, идущих на зырк допрос и с допроса. ~~Иногда слышались шаги~~ В тюрьме наступает мертвая тишина. Только изредка кто закашляет и своим голосом заставит вздрогнуть каждого заключенного, погрузившегося в это время в раздумье. В это тягостное время сильно болит сердце, кружится голова, дышать становится трудно, пересыхает во рту. Это время — с двух часов дня до шести вечера — заключенные прозвали часами терзания.

Лесовечек

В тяжелое томительное время, днем и ночью изредка можно было слышать сильный голос маленького ребенка. Да, это был четырехмесячный преступник, попавший в камеру № 8. В такой же одинокой камере, с такими же сырными стенами и полом, с низким дощатым топчаном, с кишачными в нем клопами, сидела молодая женщина с ребенком. В этой камере она сидела не первая. Здесь до нее умерло много младенцев от холода и голода, ибо голодная мать не могла кормить дитя. Эти безвинные существа умирали голодной мучительной смертью на руках матерей, которые обливали слезами эти маленькие дорогие существа, не имея возможности оказать помощь своим детям. Топчан, стенки и пол залиты кровью. Здесь сидели женщины в положении, здесь их застали роды. Истощенные голодом, измученные пытками, без всякой помощи, в холоде и сырости они погибали. Теперь в эту камеру бросили Лиду Орехову. Ее красивый стан, замечательные черты лица, с горящими голубыми глазами, черные вьющиеся волосы. Чудная грация ее походки трогали сердце любого мужчины. Даже палачи старались обходиться с ней вежливее, чем с другими женщинами. Но гордая по своему характеру и положению своего дела она с презрением относилась к народным палачам.

"Я не продажная шкура, я не нищая, отдающая себя за кусок хлеба. Я - советская женщина, воспитанная великими деяниями свободы и равенства, сумевшая понимать хорошее и плохое, любить свободу и презирать рабство, уважать братьев по классу и не навидеть врагов.

Враг временно захватил часть нашей родины. Весь советский народ поднялся на борьбу с врагом. Стали организовываться партизанские отряды. Вступила в отряд и Лида Орехова. Суровые боевые будни жизни пробудили в сердце Лиды неугасимую любовь к молодому человеку, живущего одной идеей, одной жизнью, как она. Вместе ходили в бой на врага. А когда Лида уходила одна в город в разведку, они крепко обнимали друг друга и их сердца обливались кровью. Они поклялись быть друзьями жизни. Несмотря на тревожные боевые дни у Лиды родился первый наследник. Родился он среди лесных зарослей, в землянке убого обставленной, но на свободе, не в руках фашистов. Гордились и тешились своим наследником молодые супруги. Ребенок не стал помехой в работе Лиды. Она попрежнему ходила в разведку, взяв на руки сына. Враги следили за Ореховой, стремились живую взять в руки. Нашлись продажные шкуры, которые за 2000 немецких марок продали палачам Лиду Орехову - верную дочь Родины. Ее засадили в СД, в камеру № 8. Голодная, с высохшей грудью она мучительно проживала дни. Ее сердце обливалось кровью на глазах появлялись слезы, когда ее ребенок брал в ротик высохшую, почерневшую грудь, принимался усердно сосать, но молока не было. Ребенок сердился и начинал плакать. Как тяжело было этой матери наблюдать за медленным голодным увяданием этого маленького, но дорогого существа. Мокрые пеленки она прикладывала к своему телу, чтобы они просохли, прогрелись. В постоянной сырости, мокроте, немытом нежном детском теле загнивало. Клопы заползали в пеленки и все тело покрывалось волдырями. Как ни стремилась мать облегчить участь своего

ребенка - все старания были напрасны. Она стучалась в дверь, требовала перевода в другую камеру, где теплее было для дитя. Но в ответ слышался громкий голос дежурного - бандитка, не стучи, а то воплю 20 горячих. Когда раздавался плач ребенка во всех заключенных на лице появлялась улыбка. Одни были тронуты тем, что слышали в этой камерном помещении пыток, самый благородный, безвинный голос младенца. Другим этот плач напоминал семейный очаг, о разлуке с такими же дорогими существами, каким был этот малютка.

-Ну, заговорил лесовичек, - толковали заключенные, услышав сильный плач. Так утвердилось имя Лесовичек за Лидиным сыном. Через месяц и одиннадцать дней Лиду, Орехову расстреляли, ее сын Лесовичек умер месяцем раньше, в этой же камере № 8.

Ужин

В шесть часов вечера выдавался ужин. На ужин всегда давали сто грамм холодной воды, которую раздавала та же женщина - повар. Вода выдавалась по строго установленной норме. Маленькая алюминиевая кружка являлась ми..... Длинная сухая рука женщины черпала воду из ведра, которое стояло около дежурного по тюрьме и подавала в камеру заключенному. Больше нормы никто не мог получить, не взирая ни на какие просьбы. Этим ужином заканчивалось дневное пропитание. В семь часов вечера следовал отбой. Снова немая надрывающая сердце, тишина. Снова бесконечная нить воспоминаний о прошлом и предугадывание будущего. Кто стоя, прислонившись к стене, кто сидя, проводили длинную бессонную ночь. Воздух тяжелый, вонючий, от стен и пола - сырость. Беспрерывный штурм клопов, выпивающих последние капли крови - это мучительная пытка, на которую отдают человеческую жизнь.

Камера № 13

Камера № 13 являлась общей камерой для женщин. Она была расположена рядом с мужской камерой. Здесь сидели сторушки-матери партизан, взятые как заложницы, молодые женщины-партизанки, девушки 16-17 лет, связистки и дети, начиная грудными и кончая возрастом 10-12 лет. Все они были преступниками перед фашистской властью; они ненавидели ее, поднялись на борьбу и за это попали в камеру № 13. Теперь в этой камере сидело 38 человек, а она рассчитана на 18 человек. Духота от сильного скопления людей, смрад от потного грязного пола, вонюще порами, вонь раздавленных клопов - окончательно убивало физическое состояние человека. В камере было шестеро детей, двое, из них, - грудные. Бедные дети, они поминутно просили есть, задыхались в невыносимой атмосфере. Но кроме слез и ласкового материнского слова, ничего не могли дать их матери, ибо они сами были лишены всего что необходимо для жизни человека. Несмотря на голод, постепенное угасание жизни, ни одна мать не отказалась от своего ребенка. Наоборот, каждая мать крепче прижимала к груди своего ребенка, видя в нем свою радость, свою материнскую гордость. Никогда не забудут люди, кто остался в живых из заключенных день 13-го мая 1944 г. Это был красивый, солнечный день. Яркое майское солнце играло в голубом небе. Вся природа шепталась о чудную сказку весенней красоты. В этот день произошло событие в камере № 13, которое на всю жизнь останется в памяти, тех кто был свидетелем этого факта. С сражениях с врагом приходилось переживать страшные события, переходить через трупы, потоки крови, но почему-то это кажется ничтожным по сравнению с этим случаем. Дежурный по тюрьме, в сопровождении 3-х немцев и 4-х полицейских - голландцев, открыли камеру № 13. Бедные женщины задрожали, услышав стук запора. В такое время всегда брали на допрос, где избивали до полусмерти, молодых женщин и девушек насиловали.

В камере водворилась мертвая тишина. Даже дети молчали, прильнув к матерям, как будто чувствуя надвигающуюся грозу. Дежурный развернул лист, бумаги и стал выкликать фамилии.

—Марченко Мария, с дочкой 7 лет, есть? Ответа не следовало. Бледная, что стенка, дрожа как осенний лист, она не могла проговорить слова, шевелила губами, но звука не было слышно. Она крепче прижала к груди любимую девочку, как будто чувствовала материнское сердце, что скоро им придется расстаться.

—Лось Ольга, с грудным ребенком?

—Зубарева Анна с трехлетней девочкой?

Так были вызваны все женщины с детьми. Всех выстроили в коридоре. Начальник тюрьмы окинул стоящих ястребиным взглядом. Серdito и отрывисто проговорил:

—Ваших детей передаем в детдом, где их будут воспитывать.

Из глаз матерей полились слезы. Раздались вопли. Они теперь не видели, стоящих перед ними палачей — все потонуло в горьких слезах.

—Приступайте к делу! — подалась команда начальника тюрьмы. Первыми жертвами были две женщины, стоящие в первом ряду. У обеих были девочки 5 и 7 лет. Когда немцы и полицейские стали вырывать из объятий матери, они крепче прижимались к матерям, чувствуя свое одиночество. Рослая белокурая девочка обняла своими рученками мать и кричала умоляющим голосом, но жирный немец, схватив ее за рученку, стал тащить от матери.

—Милый дядечка, дай мне проститься с мамочкой. Золотая мама я не увижу тебя больше никогда. Меня увезут от тебя. Дядечка, не тронь мою маму, я дам тебе денег, корову, дам...

Но палачи делали свое. Им нужны были женщины этих детей. Мать не слышала последних слов дочери. Она свалилась обеими руками за волосы, крикнула — ай, и повалилась на пол, потеряв сознание.

Матерей силой брали в камеру, а детей оставляли в коридоре. Плач детей, стон матерей, надрывали сердце даже самого волевого человека. Тюрьма стонала. По всему телу пробегала дрожь. Волосы, кажется, поднимались, точно электролизировались. Две женщины с грудными детьми продолжали оставаться в строю. Бедные дети, у которых были отобраны матери, прижимались к стоящим женщинам.

—Выходи, — раздался грозный голос. Толкая в спину прикладами пошли женщины с грудными детьми, а следом шли дети, оставшиеся без матерей. Женщины не видели дорогу, заливаясь слезами. Чудесный майский день был для них темной и самой страшной ночью.

Из завети во двор по Костельной улице д.ж.60. На крыльцо вышла женщина полная и брызглая с плоским носом, красная на лице, с мутными глазами, одетая в серый когот. По ее взгляду и выражению лица можно было определить, что она была пьяна.

—Добро пожаловать, — проговорила она, открывая дверь.

В комнате стояло несколько кроваток, в которых кроме сенников ничего не было, из постельной принадлежности. Детей забрали, а матерей отправили опять в камеру. Завтра, а может быть сегодня, придет врач-немец, заберет из них этих детей кровь, со взрослого населения гитлеровцы не брали кровь, они боялись, что в крови советского человека есть советские идеи, чем можно заразить немца. Вот почему они использовали детскую кровь. Обезкровленных детей поили ядом, а ночью, у бросив в машину, вывозили в оловники, вообще яму с заключенными.

3-е испытание

Тромова продержали в общей камере двое суток. Это было самое счастливое время из всего периода двух месяцев и одиннадцать дней, проведенных в казематах СД. Здесь он беседовал со многими заключенными. Ему рассказали много нового чего он не мог знать, находясь в одиноких камерах. Тромов открыто выступал перед товарищами, не обращая внимания на то, что за ним следил шпион. Этот старый партизан, паразит, уни-

женно ползущий, точно гадина, у ног Громова, задавал даже вопросы, стараясь выявить окончательное решение Громова в своих действиях. Когда Громов говорил присутствующим о приближении конца войны, о победе Красной Армии, о близости дня, когда рухнут немцы и народы вздохнут свободно и легко. А таких паразитов, — он указал на шпиона, уничтожит народ, чтобы они не топтали благородную землю. Громов не боялся за свою жизнь, но ему хотелось вселить в сердца других людей веру в торжество победы Советского народа. Через полчаса шпион постучался в дверь и его увели. На третий день Громова увели на допрос. Он нише простился с товарищами, которые провожали его с большим волнением. Теперь, Громов попал к третьему следователю Фишеру. Как только Громов вошел в кабинет, он увидел сидящего за столом шпиона, который покуривал сигару.

—Фамилия? — презрительно спросил Фишер.

—По-моему вам давно известна.

—Скажите, товарищ Громов, — начал Фишер, произнося ударение на е, в слове товарищ, — вы не знаете этого господина. При этом он указал на сидящего шпиона.

—Такой же палач, как и ты. Но грубая ваша работа. Мы, советские люди, умеем видеть и понимать, все, что происходит. Не думайте, что совершенный человек Советского Союза — это российский темный мужик. В устах человека звучит правда. Ее мы не боимся сказать и в ваших вазематах. Ничто и никогда не заглушит голос правды. И я, как советский человек задаваю и заявляю всегласно о вашей неминуемой гибели. Вас, палачей, человечества, будут проклинать поколения народов, как самых злейших преступников. Моя жизнь в ваших руках. Пусть я погибну, но никогда не умрет правое дело народа, ведущего героическую борьбу с фашистскими полчищами. Больше я ничего не скажу, можете меня казнить.

Громов стоял спокойно, взирая на Фишера.

—Коммунист? пискливо произнес сквозь зубы Фишер. Но ты будешь все нам говорить. Мы заставим тебя рассказать обо всем, что нас интересует. Он нажал кнопку. В кабинет вошли сопровождавшие Громова немцы и полицейские.

— В комнату пыток, — дал распоряжение Фишер. Громова провели по длинному коридору, в противоположную дверь сторону и завели в крайнюю дверь.

Массивные двери, оббитые изнутри войлоком, захлопнулись вслед за Фишером. Комната небольших размеров. Обстановка комнаты наводила ужас. Посередине комнаты стоял толчан, приспособленный для порки допрашиваемого. Он весь был залит кровью. Один слой крови засыхал, по нему текли потоки новой крови. В углу стояла кадка своной, около которой стояло ведро. На небольшом столе лежали: шило, иглы, нарушники железные, клещи, какие-то порошки, миска с солью и другие орудия пыток. На стене висели нити с проволочными наконечниками и резиновые палки. У противоположной стены на полу лежала доска, длиной до двух метров. Вся она была убита тонкими острыми гвоздями. Концы гвоздей прошли сквозь всю доску и возвышались над ее поверхностью на 2,5-3 см., образуя иглистую поверхность по этим острым гвоздям заставляли идти босого человека. Почти на середине комнаты, от потолка вниз опущился канат, он проходил через блок, укрепленный у самого потолка — на одном конце комнаты был крюк, за который цепляли нарушники, одеваемые на руки пытаемого. Стены, пол, стол — все было забрызгано кровью. Пахло человеческой кровью. Громова стали сесть плетями. Ведро холодной воды, которую вылили на него, привело его в чувство. Кровь заливала глаза.

—С кем имеешь связь? задавал вопрос Фишер.

—Палачи, — с трудом проговорил Громов.

Раненные места посыпали солью. Какая невыносимая боль! Кажется,

кто-то ловит пинцетом каждый нерв и вырывает его медленными движениями. Сильно зажав зубы, Громов продолжал молчать. Молчание Громова еще больше злило палачей. Они думали услышать мольбу, раскаяние, но ошиблись, изверги. Громова заставляли идти по гвоздям. Гвозди вонзались глубоко в тело, вызывая ужасные боли. Кровь сочилась из ног. Ступив три раза по доске Громов свалился на пол, потеряв сознание. Его выбросили в камеру № 6. Опять такая же одинокая камера, с сырыми стенами, цементным полом, сквозняками, вонючим. Те же мучительные переживания дни и ночи, те же ожидания, допросов и пыток.

Последний допрос

Прошло два месяца 10 дней, как Громов попал в СД. За это время его садили в 13-ти различных камерах. Тридцать семь раз водили на допрос. Его держали шесть суток в камере смерти, без воды и пищи. За тридцать семь допросов дали около 700 плетей и резиновых палок. Раны посыпали солью. Обливали холодной водой. Поили соленой водой. Зажимали пальцы между дверью. Кололи под ногти иголкой, заставляли босым ходить по гвоздям, вбитым в доску. Кололи шилом в мягкие места, но ничто не сломало силу воли Громова. Переноса неслыханные муки он продолжал жить на зло врагам. Сегодня его вызвали на последний допрос. Допрос вел злейший палач Битнер. Об этом палаче говорили, что у него даже мертвые отвечали на его вопросы. Это был человек среднего роста с квадратным лицом мясника. Его желтые глаза говорили о неумолимости, жестокости этого человека. Громова завели прямо в комнату пыток. Битнер стоял у стола, заложив руки назад, напоминая своей позой мясника, ожидающего, когда подадут ему для убоя животное. Как только Громова завели в комнату и дверь заклопнулась, Битнер улыбаясь сказал:

— Ну, бандит, хочешь со мной говорить по-хорошему, или по плохому? Мне, кажется, ты уже достаточно испытал на своей шкуре наших респексий. А за что, во имя чего?

— Во имя торжества свободы и вашей гибели. Каждая ваша пытка радует меня, ибо она говорит о вашей неудаче, слабости, трусости, она говорит вам о гибели. И готов принять все страдания, муки, смерть, но только бы спасти то, что дорого для меня — родину.

— Ах, так бандитская рожа, — заорал Ити Битнер, неправильно произнося слово рожа. — Так!

Два длинных провода, идущих от распределительного изгиба подвели к телу Громова. Каждый знает, что может сделать электрический ток, если его пропустить через тело человека. Громова терзали. Язык попал на зуб и был сильно рассечен зубами. Пот заливал лицо. В таком сильном напряжении всей нервной системы терялось сознание. Холодной водой приводили в чувство. Раздался звонок. Немец открыл дверь. В комнату вошли три немца в шинке офицеров. Битнер вытянулся в струнку и отдал рапорт на немецком языке. Это прибыл майор Молл — комендант города Сабруйска. Это он пришел полюбоваться как его соотечественники расправляются с советскими людьми. Мол, я, достоин ду..... интере... с позолоченными мундштуками и предложен всем палачам. Битнер рассказывал Моллу о Громове. Громов стоял с опущенной головой, сосредоточив свой задумчивый — взгляд на лежащий на полу резиновой палке.

Босой, в оборванном платье, с мокрыми наполовину обгоревшими волосами, худой, почерневший с закипевшей кровью на лице. Казалось, что в этом человеке вымотали все что называется способностью организма жить дальше. Но нет, враги выпили кровь, иссушили мышцы, изуродовали его внешний вид, но жива и бессмертна в нем вера в правоту, своего дела, она и только она его подкала к жизни. Даже в такие кошмарные минуты.

Битер подает команду подвести. Громову одевают нарушники. Наружники одевались на пальцы рук, охватывая средний сустав пальцев. Оба нарушника соединялись между собой цепью, в которой находилось кольцо. Прежде чем одеть нарушники, руки Громову отвели за спину. Кольцо нарушников зацепили за крюк, прикрепленный к канату. Полицейский потащил за другой конец каната. Канат легко скользил по блоку. Медленно тело Громова поднималось вверх. Руки выворачивались в плечах. Пальцы трещали в суставах. Боль, невыносимая боль! В глазах темнело. А пот, откуда он брался, точно кто сверху поливал водой. Все тело обливалось потом. Две секунды, но, казалось, прошла часа. Бросило в какой-то сон. Это уже начинала торжествовать смерть. Но нет, канат бросали и тело падало на пол. Снова вода. Опять чувство, неимоверных болей. Громов толкали под бока носками сапог, задавая всякие несурзные вопросы.

— Русский, коммунист, — со злостью сказал Молл и Битнер быстрыми шагами вышел из комнаты. Битнер взял нож и быстрым толчком вонзил его Громову между большим и указательным пальцами руки, надеясь заставить заговорить Громову. Но Громов молчал. Казалось, он потерял всякое чувство боли. Только когда Битнер сказал отправить в камеру № 15. Громов произнес протяжный стон, исходящий из глубины его души.

Черный ворон

Каждая пятница являлась самым тревожным днем в тюрьме. В эти дни проходил отбор заключенных, приговоренных к смертной казни. На протяжении недели, пополнялись списки все новыми и новыми фамилиями, чьи жизни были приговорены к смерти. Отводилась отдельная камера, а такой всегда была камера № 15. Куда собирали всех приговоренных к расстрелу. В этот день каждый думал, что вот назовут его фамилию. Заведут в камеру смерти, разденут наголо, и заставят провести ночь, зная, что через несколько часов его расстреляют. Собрав всех в одну камеру, наголо раздевали, одежду укладывали в мешки и куда-то уносили.

В сырой холодной камере люди сидели ночь.

Какие жуткие переживания. Женщины плакали, прощаясь с детьми. Молодые люди продумывали свой жизненный путь, начиная от детства и кончая камерой смерти. Они еще молоды. У них есть прекрасная Родина, воспитавшая их, за которую они дрались с врагом. И когда фашисты засадили их в камеру смерти, подвергали невыносимым мукам, а теперь приговорили к расстрелу, советские люди остались верными сынами и дочерьми своей Родины. Умирая они знали, что близок час, когда враг будет уничтожен и родина будет по-прежнему свободной. Народы захвуют еще счастливее. С этими благородными мечтами умирали эти люди. Рано утром, обычно в 3-4 часа, в тюремный двор заезжали машины. Машин приходило столько, сколько их было нужно для погрузки всех заключенных, приговоренных к расстрелу. Огромные машины, с будками на кузове, вмещали по 40 человек. Каждая эта машина была выкрашена в черный цвет со свастикой на радиаторе. Карательный отряд нерцев делал сплошную цепь в два ряда от машин до камеры, где сидели смертники. Специально выделенные немцы, заходили в камеру с пучками колючей проволоки, нарубленной длинной по пол метра. Один немец держал мешок, в котором находились тряпки. Два немца брали заключенного. Руки его заводили за спину и отводя их назад, скручивали колючей проволокой. Крючки колючей проволоки вонзались в тело, вызывая невыносимую боль. Немец, в мешком доставал тряпку и затыкал рот, каждому, у кого были скручены руки. Заключенного вели между строем в машину. Так поступали с каждым. Когда машины были нагружены, они отправлялись в Еловики. В Еловиках уже были приготовлены ямы. По десять человек выводили из машины, ставили лицом к яме и выстрелом в затылок или автоматной очередью отнимали жизни людей. Иногда живыми бросали в ямы, делали несколько автоматных очередей, после засыпали землей. Так пожирал черный фашизм жизни советских людей.

Камера смерти

Спустя 4 часа после допроса Громова взяли из камеры № 13 и повели в камеру смерти. Камера смерти была при тюрьме, главной централи. Когда вышли на двор, Громов не верил своим глазам, казалось, он только что родился на свет и впервые видел всю прелесть. Красоты природы. Еще бушевали вьюги, как палачи засадили Громова в застенок СД. Небо было до того голубое, и чистое, каким его Громов никогда не видел. Ярко светило солнце, лаская своими лучами зеленые купола, Недавно распустившихся деревьев. Трава покрыла землю зеленым, бархатным ковром. Миллионы насекомых резвились в воздухе. Пели птицы высоко поря в небе. По тротуарам проходили пышно разодетые женщины, — немки, полюбовницы немецких офицеров, жены полицейских. Они смеялись похабным смехом, раскрывая широко рот, при виде Громова, шедшего медленно, в оборванном платье, избитый, замученный пытками, с трафареткой на груди: "Партизан — бандит". Но по тем же — стовым шли другие люди — старушки, матери, обливались слезами. Они видели в лице Громова дорогого сына, отдавшего до капли свою кровь во имя Родины, во имя победы над врагом.

Они и теперь еще боялись побега этого человека, так опасного и страшного для них. Одно слово партизан приводило их в трепет. Вот тюремный двор, небольшой и безлюден. Серое незкое здание поглотило все человеческие жизни, отобрав у них все что необходимо для жизни, замедлив муками, страданиями, пытками и смертью. Дежурный прочитал записку, "Смертник". За мной ведите. Он открыл четвертую дверь. Пожалуйста, — ехидно засмеялся дежурный. Громов вошел в комнату. Это была большая комната 6-ти 8. ш. Стены ее были исписаны сотнями изречений, приговоренными к смерти. Цементный пол покрывала грязная вода, которая попадала сюда сквозь дырявую крышу и потрескавшийся потолок, в дождливое время. Они стояли здесь постоянно, потому что ее с целью не удаляли. В камере было маленькое окошко, скорее похоже на надзирательную щель. Кудя попадала узенькая полоска света, отражаясь на серой противоположной стене. Виднелась засохшая кровь. Она в виде брызг покрывала стены. В камере никого не было. Громов был первым смертником. Давно он не ходил, сегодня он прошел около километра и ноги так устали, что не было сил стоять. Прислонившись спиной к стене, Громов медленно опустился на пол, почувствовав холодную воду, проникшую через его рваные штаны. Бросив свой взор на стену он прочитал: "Нам смерть не страшна. Мы никогда не умрем. Лось". А рядом: "Мне 17 лет. Моя жизнь только расцвела как майская роза. Завтра меня расстреляют. Мне хочется сказать последнее слово девушкам. Не забывайте тех, кто отдал свои жизни во имя торжества свободы и разума. Любите Родину. Будьте готовы всегда умереть за нее. Комсомолка Галя Румянцева".

"Прощай, Родина, прощай, мать. Вы были так дороги для меня. За вас, только за вас я отдаю свою молодую жизнь. Партизан Савицкий".
 "Я — чех. Сражался вместе с советским народом за Родину угнетенных и поработенных — Советский Союз. Меня завтра расстреляют. Не придется мне увидеть свободную Чехословакию. Чехи, любите советский народ, он достоин любви и уважения. Чешский партизан Роденбуш".

"Комсомольцы, храните священное знамя Ленинского комсомола. Фашисты вырезали у меня на груди комсомольский билет, устроив казнь с целью отказать меня от комсомола. На пытки палачей я ответил: Я жил и умру комсомольцем.

Комсомолец Виктор Глушко из г. Чернигова".
 Приближался вечер. По коридору учащались шаги — это проверяли наличие приговоренных к расстрелу. Загремел запор. Открылась дверь. В камеру вошли три человека — два немца и полицейский.

9

- Сними одежду, - приказал полицейский Громову. Громов сидел неподвижно, не глядя на палачей. Гитлеровцы стали стаскивать одежду. Они просто рвали на части и бросали в угол. Когда закончили с Громовым, все трое направились к двери.

- Следующий! - опять крикнул полицейский.

В камеру бросили молодую девушку. Лицо ее было вспухшее и окровавленное. Даже трудно было определить ее возраст. Но по ее голосу можно было дать 16 лет.

- Гадн, изверги, - кричала она.

Стащив с нее всю одежду, один немец взял за ногу и волоком протаскивал в другой угол, где сидел Громов. Серебристая прядь волос, лежащих в грязной воде, тронула сердце Громова. Он вспомнил любимую девушку Лиду Девяткину. Точно с такими же волосами. Еще больнее сжалось сердце. Они дали друг другу клятву быть друзьями жизни. Ждет она меня, но никогда не дожидаться ей. Но я горжусь тем, что она вспомнит обо мне.

- О шайзе бандит! - заорал немец.

Громов перевел свой взор к двери. В камеру затащили мужчину средних лет. Это был человек сильного телосложения. Сильнейшим кулистые руки были скручены проволокой. Рубашки на нем не было. На широкой груди, густо покрытой волосами покровом, была вырезана пятиконечная звезда. Кровь лилась сильной струей, говоря о свежести раны, о недавних пытках. Как только немец наклонился и протянул руку, чтобы оборвать висающие клочья брюк, мужчина сильным движением ноги толкнул его в живот и немец полетел в сторону точно футбол, распластавшись на грязном полу. Что волки набросились они на того мужчину. Били прикладами, ногами, кололи кинжалами. А когда мученик обессиленный упал на пол, стали топтать ногами по голове. Глубокий стон вырвался из груди умирающего героя. Это был его последний голос, голос, состоящий не из членораздельной речи, а из протяжного жалобного напева мелодии "Мы жертвою пали в борьбе роковой". Скоро он скончался. Так не пришлось Громову узнать его имя или фамилию, хотя перед смертью, но хотелось знать имена таких людей.

В камеру бросали все новых и новых смертников. Здесь были красноармейцы десантники, партизаны, девушки связистки, старушки - матери партизан. Даже дети по 12 и 13 лет - это самые молодые патриоты Родины. Это они минировали немецкие эшелоны минами-летучками, за что их приговорили к смерти. К девяти часам камера была загружена полностью. Люди, буквальным словом, были свалены в огромную кучу, огражденную четырьмя стенами, чтобы не могла развалиться. Те, кто попал под низ, стонали, плакали, просили помощи. Но никакой возможности не было, чтобы облегчить участь стонущих. Большинство людей было обессиленное, даже не могли передвигаться. Около 200 человек бросили в эту комнату. Какие жуткие переживания! Каким мучительным, жестоким, страшным кажется это время, время последних часов жизни. Сколько мыслей родится в такие минуты; одна обгоняет другую. Спешешь передумать обо всем, что было, что будет без тебя. Подвести итог своей жизни, дать оценку всему тому, чем жил, о чем болел душой и сердцем. Плач женщин, стоны умирающих заставляют больно сжиматься сердце. "Милая мама я тебя больше не увижу. Где ты есть? Меня завтра расстреляют", - слышится голос 12-летнего мальчика. - Милые дети, вы остались одни, кто вас приласкает, оденет, покормит". - Это женщины матери оплакивали своих детей, свою материнскую гордость, свято оберегаемую советской властью. Вот когда они еще глубже поняли два мира: мир, несущий человечеству счастливое детство, радостное материн-

ство, свободу, равноправие женщин — Советский Союз. И другой мир, сеющий смерть, голод, рабство, — капиталистический мир.

"Прощай, родина. Я жил во имя тебя, боролся за тебя, умираю за тебя. Я не жалею своей жизни, отдаю ее целиком и полностью за то, чтобы твоя благородная жизнь была бессмертной; во имя спасения и расцвета тебя умирают советские люди", — это слова партизана Михалкова, Краснодарского края. И сколько высказывания и изречений вырывалось из уст смертников, проникнутых самыми сильными чувствами человеческой морали. Ни один не просил пощады у врага. У многих волосы стали седыми, хотя от роду 20-25 лет. Вот куда надо было бросить тех людей, кто еще не верит в силу советской морали, в преданность советского человека своей Родине. Проходили последние минуты. "Хотя бы скорее расстреляли" — все больше и больше слышалось из уст заключенных.

Борьба продолжается.

Здание задрожало — это машины въехали в тюремный двор. Это приехали черные вороны за жизнями тех, кто сидел в камере № 15. На несколько минут водворилась тишина в камере. Как будто каждый старался услышать шаги идущей смерти. По коридору застучали шагающие карательщики, их шаги слышались все сильнее и отчетливее. Раздалась команда на немецком языке — это офицер подает команду приступить к делу. Дверь открылась. Показались злые лица фашистов, ехидно заглядывающих своими зелеными глазами в камеру. Ввиду того, что в камеру не было возможности войти, стали по одному вытаскивать в коридор. Опять раздавались проклятья по адресу врагов. Опять, почти каждый день хотел сказать последнее слово. Но большинство не успевало выразить свое желание, как в их рот попадала грязная тряпка. Голос обрывался, заканчиваясь протяжным мычанием. Палачи прошли большой практический стаж в своей работе. Громов находился в самом дальнем углу, так что ему пришлось выходить самым последним. Камера опустела. Теперь палачи работали в камере. Подойдя к Громову, скрутили ему руки. Проволоку так туго стягивали, что острые иглы колючей проволоки длиной до 1½ см почти полностью вонзались в шею. Громов держался — не стонал, крепко зажав зубы. В глазах заискрилось, зубы заскрежетали. Тело все затряслось. Медленно ступая онемевшими ногами, Громов прошел по камере, шлепая босыми ногами по грязной воде. В узком коридоре по обе стороны стояло две шеренги солдат. Они дежили автоматы наизготове. В это время, когда Громов проходил между строем, его почти каждый немец толкал стволом автомата в бок. Вот он на дворе. Свежий ночной воздух. Как хотел вдохнуть его, но рот закрыт. Через нос трудно дышать. А малокровие такое, что воздух, вдыхаемый кажется выходит через уши. В машину втокнули Громова два немца, стоявшие у машин. Моторы загудели. Пять машин, нагруженных по 40 чел. двинулись одна за другой. Из собачьей будки машины ничего не было видно. Нельзя было определить, куда везут. Но по команде офицера можно было догадаться, что повезли в Еловики. Прошло 15 минут, но они казались такими протяжными, что будто их заменили часами. Но вот Еловики. Вот то место, где десятки тысяч советских людей погребли фашисты. Здесь расстре-

ляли около 30 тыс. евреев. Здесь расстреляли тысячи советских военнопленных, тысячи советских работников.

Вот почему слово Еловики стало страшным для каждого человека. При упоминании Еловики по телу пробегала дрожь. В глазах стояли тысячи людей, зарытых в огромных ямах. Выводили из машины по 10 человек. Что делали палачи — не было видно из машины. Слышны были автоматные очереди, извещающие о казни товарищей, выведенных из первых машин. Не было слышно ни плача, ни стонов. Казалось, в природе царил тишина и только автоматные очереди нарушили ее. Вот очередь Громова. Ночь была темная. Под ногами шуршал песок, лаская босые ноги. Подвели к яме. Яма была метров 30 длиной и метра 2 шириной. Глубину ее трудно было определить, потому что в ней уже лежали трупы. Пахло человеческой кровью. Немцы стали бросать каждого в яму, ударяя сильно в затылочную часть. Громов полетел в яму, раза два перевернувшись улегся у самой стенки ямы. В этот момент раздались сильные взрывы. Они нарастали один за другим все ближе и ближе. Казалось, вот-вот они раздадутся и здесь под этой ямой. Это партизаны рвали железнодорожные пути. Палачи, боясь за свои жизни, наскоро прострочили из автоматов в яму, сами в машины и уехали, оставив яму незасыпанной. Когда гул моторов стих и взрывы не стали повторяться, наступила мертвая тишина. С трудом встав на ноги, Громов стал прислушиваться. Больше никто не поднимался. Хотелось позвать, но рот закрыт тряпкой. Яма была почти полностью загружена трупами. С трудом выбрался Громов из ямы и медленно пошел кустарником, в направлении казенного леса, минуя Грабово. Когда его встретил мальчик Савицкий Яне, из деревни Михайловка, освободил ему руки, Громов вытащил изо рта тряпку и сказал: борьба продолжается.

Они культурные люди

Немецкие части вступили в г. Бобруйск. Все улицы загрохотали машинами, телегами, солдатами. Передовые части СС шарили по домам, танками занимаясь грабежом. Из домов тащили съестные продукты, одежду, обувь, домашнюю утварь. Ловили кур, свиней, коров, овец. Плакали женщины, дети, старики. Это зрелище напоминало картину варварского нашествия. Никто не мог противиться воле гитлеровцев. Все молчали, с болью на сердце смотрели на происходящее. В домах остались женщины, дети да старики. Все мужчины ушли на фронт. Гитлеровская свора с дикой злобой издевалась над женщинами. Под силой оружия насиловали женщин, девушек, даже детей 13-14 лет. Семидесятилетние старушки и те являлись жертвами варваров. Около товарной станции проходила 14-летняя девочка. Она спешила домой к матери. Навстречу ей шло 4 немца-караульщика. Не говоря ни слова, палачи схватили девочку за руки и потащили в пассажирский вагон, который стоял на запасном пути. Заведя в вагон, палачи стали выполнять свой зверский жгучий акт. А когда все получили удовольствие, ее пристрелили. Палачи пошли дальше творить свои черные дела. Старик-стрелочник, который видел всю эту картину, сообщил родственникам Алошки. Мать не знала что делать. Она бросалась во все стороны, как раненая левка, спрашивая советов, помощи у близких. Кто-то посоветовал бедной матери обратиться к военному коменданту и мать пошла, надеясь найти там защиту. Несчастливая мать! Ты глубоко ошиблась. Твою дочь убил тот, к кому ты идешь жаловаться. Это он приказал уничтожить советских людей от старого до ма-

лого. С большим трудом мать добилась разрешения на вход к коменданту. За столом сидел ярый палач Молл. Он не дал договорить Анне Семеновне, ехидно улыбнулся и сказал: — "Германские солдаты этого не сделают, они — культурные люди".

Записано автором со слов Анны Семеновны Коробовой — матери вышеописанной девочки, г. Бобруйск.

Они не верят в бога

Это было на первый день пасхи 1943 года. Яркое светило солнце. Голубое небо слепило глаза своей синевой. Несмотря на то, что всюду была подавлена человеческая мысль и деятельность силами фашистского режима, все-таки фашисты проводили свою воспитательную работу через религиозные учреждения, стараясь внушить народу свои идеи воспитания из народа послушных рабов. В этот день в г. Бобруйске в Николаевском соборе выступил немецкий офицер, который заявил:

"Советские люди не стали верить в бога. Они разгромили церкви и монастыри, расстреляли священников. Советские люди стали варварами. Они убивают немецких солдат, которые хотят им дать свободу. Русские работают в такие праздники, как пасха, не соблюдают грехов. Они готовы убить человека даже на большой праздник. Боритесь против советов. Мы вам открываем церкви и костелы. Молитесь за Адольфа Гитлера". Это говорилось в 11 часов дня. А в 12 часов, т.е. ровно через час, произошла ужасная картина, которая открыла подлое лицо варваров. По улицам двигались старушки с узелками, возвращаясь из церкви. На улице им. Пушкина собралась толпа немецких солдат. Из соседних домов выбегали немецкие солдаты, направляясь к месту собравшихся. Что случилось? — спрашивали друг у друга проходящие мимо люди. Немецкие солдаты, вооруженные автоматами, толкали в спину останавливающихся женщин, крича во все горло. Ве! Век! Скоро все стало ясным. Около самого забора росло дерево. На высоте двух метров от земли, у отлогой ветки, возился немецкий солдат, что-то увязывая. Все догадались: кого-то будут вешать. "Но этого не должно быть. Час тому назад немецкий офицер клеймил русских за их варварство, за их безверие в бога. Ведь сегодня первый день пасхи. Немцы верят в бога, они не должны сегодня устраивать казнь". — так рассуждали между собой старушки. Но ложными оказались рассуждения тех, кто еще недопонимал подлинных намыслов фашистской политики. Показался человек, одетый только в нижнее белье. Да, это был молодой человек лет 18-ти. Вьющиеся белокурые волосы придавали его лицу женственный вид. Он обвел взором собравшихся женщин немцев, взглянул на людей, стоящих далеко на улице, и улыбнулся. Его улыбка была презрением к смерти, выражением ненависти к врагам. Чья-то рука надела на шею петлю. Убрали стул, на котором стоял смертник и тело мерно закачалось, точно маятник. Немцы торжествовали. Раздавались возгласы в честь победы над одним партизаном. Офицеры стреляли из пистолетов, попадая в голову повешенного. Алые струйки крови потекли на желтый песок. На небольшой досочке, повешенной на груди казненного, было написано: "Партизан-бандит. Каждого постигнет такая участь, кто посмеет поднять руку против немцев".

А между тем, это была безвинная жертва. Фашисты ловили в городе четырех парашютистов. Но не удалось врагу поймать ловких диверсантов-парашютистов. Палачи рыскали по городу. Они оцепляли целые кварталы, обыскивали каждый двор и дом. В это время из Бобруйской крепости, где помещался лагерь военно-пленных, бежал он военнопленный. Он зашел в один дом, по улице Карла Маркса, чтобы переодеться в гражданскую форму, так как в военной форме трудно было выйти из города в партизаны. В тот момент, когда он переодевался, в дом заскочили немцы, схватили его и после небольшого допроса — повесили. "Нет, они не верят в бога. Они — идола. Они не боятся греха" — сказала старушка, наливаясь слезами.

г. Бобруйск, очевидец сам автор
находился в городе в разведке.

Он убил ее

Осенние сумерки окутывали землю. Моросил мелкий дождь. Усталые ноги скользили по мокрой дороге, ведущей в г. Бобруйск. Серый крестьянский курток, старая черная фуражка, простежные холщевые штаны, выкрашенные в синий цвет, липовые лапти, до колен обмотанные ноги веревками с портянками — вот внешний вид человека, идущего в город. Он шел быстрыми шагами, напрягая все силы. В боковом кармане куртка лежал пистолет тщательно замаскирован ватой. Если ко всему этому добавить, что в кармане брюк была маленькая бумажка — пропуск, выданный Грабовской волостью, то это будет все, что имел этот человек. В город вошел благополучно, даже жандармерия не остановила на этот раз. Вот она Рабочая улица — узкая, грязная и извилистая. Из-за большой грязи здесь не ходили машины. Даже пешеходы старались пройти другой улицей. Показался маленький домик. В третий раз посещает его Дмитрий Громов. Тихо на улице и в доме. Три условных сигнала и мертвая тишина, царившая в домике, была нарушена скрипом открывающейся двери.

— Дмитрий? — спросила тихим голосом старушка.

— Да, мама, отозвался Громов.

Тускло горевшая коптилка чуть освещала внутренний мир маленькой комнатки. Это немцы заставили старушку ютиться в этой тесной коморке, выгнав ее из дому. Старушка подошла к Громову, обняла за шею и крепко поцеловала, как целует мать своего родного сына после долгой разлуки.

— Ты совсем мокрый, сынок, — с материнской лаской она хлопотала около Дмитрия. Эта старушка была мать Героя Советского Союза — Барановская. Сын ее пал Героем при освобождении Польши, сожженный в танке. Поседела голова у бедной матери, когда она потеряла любимого сына. Теперь она помогала партизанам в борьбе с фашистами. Она доставляла кое-какие сведения, нужные предметы для партизан, закупала на рынке.

Громов сидел, беседовал со старушкой. Послышался стук в дверь. Громов приготовил пистолет, подумав на немцев или полицию. Это пришла ее двоюродная племянница, молодая красивая девушка лет 18. По ее разговору можно было определить, что она имела образование.

— Как скучно, тетя! Не знаю чем заняться. Почему-то Ганс не идет ко мне.

Ганс — немец ухажер Анны.

- Зачем тебе этот Ганс? Братья погибают на фронте. Весь Советский Союз воюет с врагом. А ты жениха нашла. Врага общег... Как тебе не стыдно...

Снова стук в дверь. Анна быстро выбежала в коридор.

- Кто там? - спросила она звонким голосом.

- Ганс, - ответил немец.

- Ганс! Ганс! - Радостная вернулась в комнату Анна.

Не успел немец перешагнуть через порог, как она повисла на шее, стала покрывать поцелуями его старческое лицо.

Офицер войск СС Гросс поглядывал на Громова.

- Мой племянник, - пояснила старушка, заметив дерзкий взгляд офицера, пронзающий Дмитрия.

Анна упрекала немца в беспечности. Она повторяла ему несколько раз о том, что она связала свою судьбу навеки с ним, а он так дерзко поступает с ней.

- Дура ты Анна. Нашла друга жизни. Ты не зови меня больше своей тегей. Ты позоришь советских девушек. У старушки показались на глазах слезы. Она говорила с такой обидой, что ее речь прерывалась, захватывала дыхание.

- Придут наши... что ты тогда будешь делать?... бесстыдница...

- Не упрекайте меня во всем этом, - начала Анна, - не дав договорить старушке. - Идя на это дело, я сознательно обдумала свой поступок. Девять лет училась для чего? Мне не нужны русские. Отныне я - немка. Владеть нами должен тот, кто завоевал и мы навеки с ними. Она подняла немца со стула, стала рядом с ним, обняв его за плечи. - Мы будем жить радостно и счастливо, а вы - при этом она указала на старушку и Громова, - подохнете в лагерях. Старушка не сказала ни слова, она плакала, отвернувшись к стенке.

Дмитрий сидел, старался держаться спокойно. Ни слова он не промолвил до этого момента. Вся буря, которая сотрясла его нервы, побеждалась силой воли. Но всему бывает конец. Когда Анна сказала последнее слово, став рядом с офицером, что ошпаренный кипятком вскочил Дмитрий. Громов выхватил пистолет и одним выстрелом положил офицера. Анна вскрикнула и в ужасе стояла в стороне, вытаращив глаза на умирающего немца.

Дмитрий навел пистолет на Анну.

Бледная, с омертвевшими губами смотрела она на Громова, стараясь заговорить, что-то сказать, но в испуге молчала. И только с большим трудом она прошептала.

- За что? Я... я... не виноватая... Я хочу жи-жить...

- Ты хочешь жить, а сама продаешь врагам человеческие жизни? Продажная шкура. Теперь Громов ясно уличил в лице Анны немецкую шпионку. Это она продалась немцам за деньги. Это она выдала Лиду Орехову за 2000 марок. Это она открыла тайную подпольную типографию в городе.

- Ты любишь их, - продолжал Громов, - ты должна умереть с ними. За измену Родине. За позор советских девушек. Вот тебе!

Меткий выстрел. Пуля прошла в лобовую часть черепа. В ночной темноте, по болотам пробирались в партизанский Дмитрий Громов и Анна Васильевна.

г. Бобруйск, 1943 год.

12

Материнское сердце

Это было в июне месяце 1941 года. Чудное июньское утро. В природе царили тишина и спокойствие. Автомашин, мотоциклов, танки стояли молча, ожидая прикосновения руки хозяина. На улицах было безлюдно. Люди давно не спали, но никто не выходил на улицу, пугаясь немцев. Даже ставни окон не открывали, чтобы не видеть того, что делалось на улице. По бульварной мостовой, шагая крупными шагами, шли два немца-эсесовца и какая-то женщина с маленьким ребенком на руках. Немцы поминутно ее торопили, ворча сзади: шнель, шнель. Женщина была молодая лет 22, с красивым белым лицом, большими черными глазами. Она была взволнована. Глаза увлажнены слезами. Черные длинные волосы в беспорядке спускались с плеч. Эти волосы час тому назад были заплетены в чудные косы, но палачи расплели их, ища золото. На белом нежном лице виднелись синяки — следы побоев. Шла она гордо, приподняв немного голову в том направлении, куда вели ее палачи. Когда подошли к длинному мосту, ведущему через р. Березина, оба немца закричали: Хайт, хайт. Женщина остановилась, вздрогнув от неожиданных окриков, нарушивших долгое молчание. Один из немцев хорошо говорил по-русски. Подойдя к женщине, он держнул за волосы с такой силой, что женщина пошатнулась.

Евреи должны все погибнуть. Ты — еврейка — должна умереть. Нам не нужна твоя красота. Нам нужна твоя жизнь, мы ее должны умертвить.. Он приподнял к самому лбу пистолет.

— Прежде всего бросай своего ребенка.

Мать, услышав эти слова, крепче прижала к груди свое дитя. Глаза ее налились кровью. Она потеряла всякий страх, боязнь за свою жизнь.

— Не дам! Не дам, гады! — закричала она, что есть силы.

Эхо далеко отозвалось в утреннем мире. Один немец стал бить женщину ногами. Другой, наставив пистолет под нос женщине, прошипел точно змея: Бро...росай ибо т..бе смерть.

— Стреляй, палач. Умру любя. За каждую жизнь, отнятую у людей, вы заплатите сотнями жизней. При этом она толкнула в лицо близ стоящего немца.

Раздался выстрел, второй. Тихо наклоняясь на правый бок, две жизни: мать и дитя, полетели в голубую воду Березины.

Со слов партизана Лось. Он был очевидцем. Местечко Паричи. 1941 год.

ТЕТРАДЬ

по Выдержки из
дневника. школы

Когда Трошов пришел в сознание, он не мог понять где он находился. Вечерние сумерки окутывали маленькое окошко, либо переплетенное тонкими темными прутьями. Он лежал на цементном полу с поцарапанными ногами, так как протянуть ноги не было возможности, ввиду малых размеров помещения. Камера, в которую его бросили, напоминала потонувшую яму. Длина ее была 1 метр 20 см., ширина 40 см., высота 3 м. 50 см. Покрывается стен доходящая до потолка. Стенки были сырые, покрытые плесенью. В одной углу потолка было маленькое отверстие, размерами 10х10 см. В тот же час двери так же было отверстие, таких же размеров. Эти отверстия были сделаны специально созданы евреями. Такие камеры назывались Конюгами смерти. Огромные массивные двери закрывались большими массивными замками. Стук и крики слышались в камеру. По коридору ходил часовой, слышно выстукивал, слышны шаги, одноклассник надевший ритм. Черная одежда, а серыми манжетами и ошейниками на воротнике, напоминала вечно выдающуюся надобностью, на которой была презренная одежда смерти, напоминала какую-то самонадеянную силу, полную человеческого страдания и смерти. Величайшей болью тяжущимся мысли. Многие он переживал за эту ночь. Он вспоминал юные годы 1941 г. Первые приемы в бой с врагом. Как приходилось переживать, когда части Красной Армии отходили на восток, попадали под огонь. Два раза раненый. Трошов не оставил поле боя, ухватывая критический момент, когда дорога казалась свободной. Мелкой раз вступили в бой под Каргуз-Бердой. Здесь Трошов получил первое ранение и контузию. Это было самым он не помнит. Когда пришел в себя, то лежал в маленьком конюге, на деревянной кровати, больше похожей на топчан. Над ним сидела старуха Анна Семеновна. На улице была сильная сырость, вид пролетающих облаков, грохот танков, шум мощных двигателей. Это франкские походы вступили в гор. Бобруйск.

Не получив ответа на задавший вопрос, детурный со злостью зашвырнул дверь. Сильный дым как сгущающийся Каширку открывался и закрывался. Кто был согласен идти на оправку, того сопровождали два человека - немцы и полицейский. Утром шло и разрешалось, только бежали. Сопровождающие были закованного резинками напашани. В уборной разрешалось находиться только одну минуту. После пробки шла цепочка зарядка, как выработались все работники СФ. Немцы, полицейские и следователи открывали Каширку и давали Комрому закованному столько резиновых палок, сколько ему было нужно. Сано следователи на сегодняшний день. Балачи сдерживали штурм собак, заставляли смехом.

Завтрак.

Завтрак начинался всегда в 7 часов. Это условно, потому что можно, потому что система детуров и проходов в 8 часов первая смена должна была провести завтрак. Каждый закованный получал 80 гр. хлеба, спелого, или вернее спеленного, с гречневой кашей, ржаных отходов и припой сои - суп, горячий, Комрому. Кроме того давалось 100 гр. горячего чая, который никто не кинжался. и была такая запах. - Вот весь завтрак. Воду раздают в банках из под консерв, которые брали в шуриних ящиках, куда их вбрасывали воссиком леей. Банки никогда не мыли, только, а иногда были гермы. Через подит ели, с ароматом роздала, Консервные банки собирались. Кто не выпивал воду, за это время, потому что она была противна до рвоты, тому выливали воду на голову или за ворот. Если замечали что воду выливали на (землю), того заставляли сидеть в тюрьме.

Первое испытание.

В девять часов утра начинался рабочий день в следственном отделе. Трошев сидел на цементном полу, прилепившись спиной к стене. Дронь пробежал по полу, вызывая судорожные вздрагивания всего тела. Хит лезла к нему ногой на полу, по которому ползали десятки крыс, помирая от голода как Трошев. Это испытание лезли, поворачивая голову

отвертывая, чтобы найти себе пищу. Загнали забор. 3. Открывалась дверь. Трошев извел свой вздох с шумом, за работой который он наблюдал, на человека стоящего у двери. Высокий, сутулый, помятый, худощавый, на лице, с длинными волосами, с большими зелеными глазами, с выдающейся нижней челюстью - все его облик напоминал обезьяну. Это был старший следователь Мухоморов. Сами он русский эмигрант. Дронь начал русского народа в прошлом. Теперь вернулся в Россию, чтобы отомстить за свое изгнание. И вот он делал дело стал карать русский народ, никому не давая пощадить. Старик, маленький, дронь - все показало из его грозного лица смерть. Многие сотни людей он ел и пил, выедал на борьбу с парижанами. Он ел и пил, выедал на борьбу с парижанами. Он ел и пил, выедал на борьбу с парижанами. Он ел и пил, выедал на борьбу с парижанами.

- Вам, поверьте, трудно? Закурите, помятый, - он сдал сигару.

- Не нуждается ваши подарками. Это только в тюрьме или в тюрьме за сигары.

- Удешевил со мной. - Сказал сухо и отрывисто Мухоморов, Сильно озлобленный словами Трошева.

Немцы и полицейские привели Трошеву назад руки, увели на второй этаж. Прошел по длинному коридору, вошел в угловую комнату. Комната была небольшого размера. Из мебели стоял стол, покрытый черной скатертью, на столе черная чаша, на столе красное и белое сито. Вокруг все обстановка казенная следователя Мухоморова.

- Садитесь, - пригласил Мухоморов Трошева, указав рукой на белое сито, стоящее в стороне от стола.

Мухоморов вытащил из кармана пачку, положил на стол, закурил дымную сигару, добавил несколько шпатель бумаги из дымка стола, поправил очки, Каширку два раза, как будто готовился дергать ремень, обратился к Трошеву. - Теперь мы своим поведем. Я буду задавать вопросы а вы - отвечать. Трошев продолжал сидеть в глубоком раздумии. Он не слышал слов, произнесенных Мухоморовым. Он забыл что стоял перед ним, который привел его сюда. Это было пошлость. В его глазах стояла вынка, была на лице сражение. Поблизости до слез, потому что он не там.

бросано в сон. Ком поднимавшие и меня, много
мертвого человека, опущенное вниз. Но узоры прощались
не давала опущенные на пол и меня задерживаю между
двух стен, но уже согнутых ног. И снова много
ценный зноби поднимает вверх, облепить паразиты ног.
Снова ветроватости мнимы уносятся в посылках прощ-
ного и настоящего. Из прошлого было дорого так, что называют
любовью. Самая светлая страница в жизни. Счастье и
радоёно прошит тонкие годы Трошова. Он стал человеком,
великим великой силой советских людей, стоящих
прекрасную жизнь. Теперь дорога родина, когда идет
великая битва за ее будущее. Бойцы за спасение
родины он сидит в этих стенах, погоняет и вверх в
торжество народной победы. Снова слышит обрывание,
точно титаника надвигающихся ветров. На четверть
сущности там где негуна. Теперь, казаное, много
ничего без ниши. Но ты, что казаное, не выносишь.
Казаное сказочники представлении о воде никогда не
приходило в голову что вода имеет такую ценность.
До того возросла там где ты, что речные камыши
этой грядкой возносятся воды, которая покрывала
пол камыши. Но узоры камыши не позволяют камышам
даже руды не доставали до пола, чтобы сидеть на, поше-
лого сидеть языком с тех людей. Милые последние
сущности - самое мучительное время. На ногах abra-
зованы отек. Ослабшие меня опущенные вниз, уносятся
зависно между двух стен. Тонкая кнопочка на дон.
Все больше и больше посещает сновидения. Тело
отказывает смотреть. Сегодня откроется дверь.

Второе кенитание

Вдвигая засов дверь открывалась. Ослабшие меня
Трошова повалилось, точно мертвое, на пол Корредора.
Глаза отказывались смотреть на свет. Перед
Трошовыми стояло три человека: сидевшие Лангу-
нелю по национальности, коммунистический и меня.
- Поднимайтесь, - велели во обращении Лангу к Трошову.
на русском языке. Но видя, что Трошов не вникает
поднявшись, он дал знак Кавбелу и Лангу и
коммунистический зноби позвонил. Взяв под руки

Трошова снова завел на второй этаж, в дурную 5.
Кабинет такой-то типа. Немец и коммунистический уда-
мер, оставил Трошова на стуле. около стола сидевшего
Лангу поставил перед Трошовыми стакан воды, до того
мелкой воды, что казалась в стакане не было ничего
кроме воздуха. Тогда ты заставила Трошова взять
стакан. Но только стакан каснулся губ, как дрожащая
слабая рука выпустившая его и он упал на пол, разбившись
вдребезги. Лангу опять подошел к Трошову, пошептал
развернутую газету, на которой лежала жесткий хлеб,
два яйца, колбаса, банка мясной пасты.

- Кушайте, потанцуйте, - подхалинично произнес он.

- Немецкий народ хороший, не то что русский. Мы
всегда готовы помочь человеку.

Зисель завалилась на сердце Трошова.

- Вы пришли на эту землю, принесли нам
народу смерть, голод, мор, ты, сжиги, сжиги,
рабство. Но никто не сможет вам великую народную
силу Советского народа. Война и победа, которой живет
Каждый советский человек, сильнее всех ваших злоб.
Вы убивали сотни, тысячи людей, но на свете их
стало миллионы, все гордо вперед знамя победы.
Близок день, когда вы будете разбиты наголову.
Ваши знамена будут вбиты у ног простого че-
ловека - Советской земли. С призывом в века будут
вспоминать о вас народы мира. Собрав последние
силы Трошов замахнулся русой и булавой сдержан-
ными поселился на пол. Как казаное сел, пошла
воин, гордо сего пошептал побеждена и негнущий
к ниши. Лангу первича, но сущности Трошова.

- Напрасно так держи, - проговорил он, когда все
пошептал на пол.

- Тогда давайте последуем. Надеюсь вы скажите
все правду, за это всемогущее Командование дарит
вам свободу и гарантирует сохранность вашей
жизни. Вы должны сказать о танкистах, деверсантах
партизанах и Коммунистах вы имеете связь. Вам
он все ничего не предвещает и вы - свободны.
Это слова не много сказанные, но самим

грозером - Адонисом Тиммером. - Все вы-пачки, пачку
мобой и Конрад Тиммером. Все вы губите все
благородное что не попадает на ваши пути.
Ваш путь, жертвы, кровь, пожары, страдания народа,
что дает вам внешне наслаждение жизни.
Вы - самые величайшие преступники и бабники.
Мне противно, когда передо мной пачка, занесенная
какой-то смертью, против крови других людей
мы - советские люди умираем за Родину, умираем
жестко и благородно. Не изменяя своему делу.
Я могу сказать только одно: был из вас грабитель,
и буду быть, пока еще стучится сердце в моем
груди. Смерть для меня - страшно. Умереть не
страшно, но страшно не жить. Покой никого не
скажет. Трошев говорил с такой силой, с таким
напряжением губ, что голос его то бурно повн-
шал, то приходил в упадок.

- Как ты не будешь говорить? - сразу переключился
с вы на ты Ланг, ошарашенный словами
Трошева. - Времени, скажем все что требуется для
нас, пока ты в наших руках. Смерть! -
На крик Ланга вошли Кемп и Кошечкин.

- Тридцать! - Крикнул в ярости Ланг.
Трошев стоял молча, гордо приподняв голову,
глядя куда-то вдаль. Забыл даже дышать. Одежда
покрыта кровью. Кровь вытекала из ран.
Ваша в него. Кровь вытекала из рассеченных шов.
Но Трошев не шонал, не просил пощады.
Изуродованного, окровавленного, Трошева бросили
в камеру № 11.

Камера № 11.

Там же искал другой путь вызвания связи Трошева.
Они бросили его в камеру № 11, которая являлась
общей камерой. В эту же камеру бросили и других
которые должны были просидеть за Трошевым.
Эта камера была разбита на 18 кв. В ней
были сделаны двустенные камеры. В камерах
жили самые худшие клоны; там было так грязно

свежа. Камеры давали пищу и воду, и мясо. На
стенах, на парах, на карамели, в углах, в углах,
везде было полно клонов. Они нечего делали, что
Трошев проходил время, заставляя принимать
охотиться за клонами. Стены были дуплами
защиты крови. Не было места где можно было
воткнуть нож, что не пошло на него. Все
рождались клоны. Как будто сущно одним эти стены
кровью, что сильнее воздействовало на них, чем
вещь. Устраивали соревнования кто больше убьет клонов.
Каждый получивший 500-700, но скоро надоедало это
и все бросали это занятие. Только один старик, который
сидел под следствием около 42 месяцев, никогда не имел
успехов в борьбе за клонами. Его призывали истреб-
лять. В этой камере сидело 50 кв. Стоя, сидя, сло-
нясь друг к другу, занимали изуродованные люди.
Земель, которые попадали сюда с вои, падали в обле-
рок, появлялись раны, сильные головные боли.
Трошев пришел в себя в этот момент, когда раздавали
обед.

В этот день начинался обед. Женщина, которая тогда была
из заключенных с дежурным по тюрьме раздавала обед.
Обед всегда состоял из одного блюда и подавался супа.
Суп был один. Один день готовили из остатков карто-
феля, которые обычно собирали в мусорных ямах при
военных лагерях; другой день из мясной необрушенной
гребенки; третий день из мясных отходов прямо
с бойни и мясной. Суп приносили в консервной
банке, которые так-то никогда не мыли.
Каждый получал 300 гр. супа. Из порции супа
можно было собрать половину суповых ложек супа,
да что супор да земля. а остальные - грязная
жидкость, вода, совершенно несъедобная и не имевшая
никакой ценности. Но не давали да они и не могли бы.
Время, выпить суп, давалось ограниченное. Банки
сильно нагревались. Пухлый запах супа
вызывал рвоту. Капаясь, выпивая ложку воды
и то было бы здоровее. После обеда работали
в следственном отделе заканчивали.

Послеобеденное время было самым торжественным. В коридоре наметана мертвая тишина. Невысоко малов детурного, ни стука запоров, откидывающихся и закрывающихся дверей. Ни малов, проходящих замоченных, идущих на допрос и с допроса. Второе мертвое тишина. Только передняя кита закатывает и своим голосом заставит вертеть каждого замоченного, нагруженного, в это время, враздуме. В то тихое время сильно болит сердце, кружится голова, дышать становится трудно, пересекает вору. Это время, с двух часов дня до шести вечера замоченные призваны часами мучения.

Не совершен

В тяжёлое, страшное время, днем и ночью изредка можно было слышать плач маленького ребенка. Да, это был пятилетний мальчик, попавший в камеру № 8. В такой-то одинокой камере, с такими же сырыми стенами и полом. С выжатым до предела лицом. С кривыми, в нем клопами, сидела молодая женщина с ребенком. В этой камере она сидела впервые. Здесь до нее умерло много надежд от холода и голода, ибо голодная мать не могла кормить дитя. Эти безысходные существа умирали голодной смертью, на руках матерей, которые обвивали руками эти маленькие детские существа, не имея возможности оказать помощь своим детям. Тонкая, стены и пол залили кровью. Здесь сидят женщины в полуживых, здесь их заставят родить. Мертвые голодом, измученные пытками, безысходной помощи, в камере и смерти они погибали. Теперь в эту камеру бросили одну Орехову. Ее краем был стан, замоченный железом, сгоревшим голыми глазами, горючими волосами. Грудная трагедия ее походила трогательным сердцем молодого мальчика. Даже плач стариков был обходился вешевел тем сгоревшим мальчишкой. Но гордая по своему характеру

и пошлетно своего дела, она с презрением отно-
сится к народным напугам.
"Я не продажная шкура, я не такая отчаянная
себя за кусок хлеба. Я советская женщина.
Воспитанная великими идеями свободы и равенства,
ценящая пошлость, хорошее и плохое, люблю
свободу и презираю рабство, уважаю братьев по
Классу и не люблю врагов."
В это время захватили завод нашей Родины.
Весь советский народ поднялся на борьбу с врагом.
Стали организовываться партизанские отряды.
Возникла в отряде и Пела Орехова. Суровые
боевые будни жизни пробудили в сердце Пелы.
Неугасимую любовь к молодому человеку, живу-
щего рядом идеями, одной жизнью, что и она. Вместе
ходили в бой на врага. А когда Пела уходила
одна в разведку, они крепко обнимали друг
друга, а их сердца обливало кровью. Они помни-
ли быто дружбы и жизни. Несмотря на все трудности
боевые дни у Пелы родились первые наследники.
Родился он среди мести зарослей, в землянке убого
обстановленной, но на свободе не впускал границей.
Порядком и неслучайно своим наследником, молодой
Суровый. Ребенок не стал помехой в работе Пелы.
Она попрежнему ходила в разведку, была на ружьи
сина. Враги следили за Ореховой, стремились вы-
нуть из рук. Наминев продаление жизни,
которые за 2000 немецких марок продали на-
пуг Пелы Ореховой - верную дочь Родины. Ее заставили
в С.Ф., в Казань и т.д. Там она с высоким трудом
целуется доносками и наблюдения она мучительно
проживала дни. Ее сердце обливало кровью,
на глазах появлялись слезы. Когда ее ребенок
близко встал к груди, поперевину грудь, при-
манила усердно сосать, но молока не было. Ребенок
сердито и начинал плакать. Как мать было
тот матери наблюдать за младенцем.
Понимая ужасами того маленького по дороге
существо. Мать не могла она прилагать

К своему месту тогда они проехали проезжие.
В тюремной камере, которая была небольшая
детская комната. Кнопки заперты
в замок и все место было закрыто
кап. и стрелками. Мать обещала унести своего
ребенка - все старались этим заняться. Она
спускалась в дверь, предвела перебега в другую камеру
где бы можно было жить. Но в этот момент
прошли все дежурные - банда, не успев
бежать в коридор.

Когда раздался плач ребенка во всех заключенных
на улице возмущение. Один был прокуратур
нам что они были в этом помещении
пока не было, самым благородным, безвзвешенным
голом младенца. Фрэнк этот плач, как бы
семейный шаг, о радостях, как бы - не дорожки
существовали, как бы был этот маленький
- Ну, заговорил человек, - пошел в заключение
ушел в камеру. Как уверенно в нем
Песович за Песовича. Через месяц и
одиночку был Песович расстрелян. Все
бы Песович умирал, как бы, в этот же
Камера и в.

Ужин.

В шесть часов вечера выдавали ужин. На ужин
всегда давали сто граммов холодной воды, которую
подавали маме и ребенку. Вода выдавалась
по строго установленной норме. Маленькая аномалия -
была кружка, в которой было молоко. Маленькая сухая рука
маленького ребенка была в воде, которое было
около дежурного по тюрьме и подавалось в камеру
заключенному. Больше кормить никто не мог
быть, не смотря на то, как бы просили. Этот
ужин был закармливался дневной пропитание. В
шесть часов вечера следовал отбой. Снова начинал
надрывающий сердце тишина. Снова бесконечная
тишина воспоминаний о прошлом и приугадывание
будущего. Кто спал, кто сидел, кто стоял,
проводил длинную бессонную ночь. Воздух был

во всем, от стены пола - сырость. Все прерывалось шумом
Кнопок, выключателей, по которым можно было
мгновенно нажать, на которую он давал
тишину.

Камера № 13.

20

Камера № 13 и была обставлена как камера для
одной семьи, состоявшая из матери и ребенка.
Здесь сидели женщины - матери партизан, взятые
как заложницы, молодые женщины - партизанки, девушки
16-17 лет - сестры и дети, начиная с грудных и
кончая возрастом 10-12 лет. Все они были преступницами
или перед расстрелом в тюрьме, они не видели и
поднялись на борьбу и за это попали в камеру № 13.
После в этой камере сидело 38 человек, а она
расчитана на 18 чел. Фактом от сильного скопления
людей, сразу от полного тесноты, вонючей
порочной, вонь раздавленных клопов - о кошмарном
убийстве физического состояния человека. В камере
было много детей, двое, три, четыре - грудные. Бедные дети,
они постоянно плакали, звали маму, вечно плакали
атмосфере. Но кормить их и давать материнское
слова никто не мог. Дать их матери, но они
сами были лишены всего того, что необходимо для жизни
человека. Несмотря на голод, постоянное угнетение
жизни. Ни одна мать не отходила от своего ребенка
никуда. Каждая мать крепко прижимала к груди
своего ребенка, видя в нем свою радость, свою материнскую
гордость. Никогда не забуду того, кто был в тюрьме
из заключенных детей 13 мая 1944 г. Это был Край -
был солнечный день. Яркое майское солнце играло
в воздухе. Везде. Везде природа показала свою красоту
и величие. В этот день произошло событие
в камере № 13, которое на всю жизнь останется
в памяти, тем, кто был свидетелем этого дня. В стра-
стности с братом приходилось переживать страшные
сценки, переходить через трудности, которые были, но несмотря
на это, несмотря на все трудности, которые были, несмотря
на трудности, в сопровождении 2 человек

и 4х коммунистских - коммундиров, отирали камнями и В. Бедные женщины задвинулись, услышав звуки занавеса. В такое время всегда дрались на дороге, где убивали до коммунистов, а молодых женщин и девушек насиловали. В комнате возгорелась мебель, женщины. Рядом с ней. Молчали, прижавшись к стене, как будто услышав надвигающуюся грозу. Дежурный развешивал лист бумаги и слышал выкрикивающиеся женщины.

- Маргари Марис, сгорела ли? Нет? Ответа не последовало.

Бедная, что стояла, дрожа как осенний лист, она не могла проговорить слова, и великая нужда, позвучав было слышно. Она крепко прижалась к груди молодой девушки, как будто услышав материнское сердце. Это скоро им придется расстаться.

- Лось Ольга, с грудными детьми?

- Зубарева Анна с предвзвешенной девочкой?

Маме были вызваны все женщины с детьми.

Всех вызвали в коридор

Начальник тюрьмы и женщины отозвались затаенным взглядом, сердито и отрывисто проговорили:

- Вашим детям передаем в детдом, где их будут воспитывать.

Из толпы матерей появились слезы. Раздались всхлипы.

Они теперь не видели стоящих перед ними матерей - все потонуло в городских слезах.

- Прислушайтесь к децу! - поданная команда начальника тюрьмы. Первыми мертвыми были две женщины, стоявшие в первом ряду. Водились две девочки 5 и 7 лет. Когда женщины и коммунистские стали выкрикивать и у обреченных матерей они крепко прижимались к матерям, услышав свое одиночество. Рослая белокурой девочке обвила своим ругательным шлем и кричала умоляющим голосом, когда тишина немой, схватив ее за руку, стала тащить от матери.

- Милый друг, дай мне проститься с мамочкой.

Золотая мама и не услышав ответа. Голоса, никогда не слышав от себя. Девочка не шло к маме и давала себе денег, Король, дочь....

Но на ноги девушки свесили и женщины были женщины этих детей. Мать не слышала последних слов

дочери. Она схватившая обреченной рукой за волосы, крикнула: Ах! и повалилась на пол, потеряв сознание. Матери с силой вбросили в камеру, а детей оставили в Коридоре. Тихо детей, слышишь матерей надвигающуюся даже самого вонючего человека. Низкая стена. По всему полу пробежала дрожь. Волосы, кометы, позвучав было слышно замкнутое замкнутое. Все женщины с грудными детьми продолжали оставаться в строю. Бедные дети, у которых были отобраны матери, прижимались к своим женщинам.

- Выходи! - раздался грозный голос. Молодая женщина приподняла голову женщины с грудными детьми, а слезы им дали, оставив без матерей. Женщины не видели дороги, замываемой слезами. Тусклый свет дал им вид из их темноты и самой страшной ночи.

Их зовели во двор по Косицкой улице д. 60.

На крыльцо вышли женщины поназ и дрогнули с нерешительным покоем, краской на лице, с мутившими глазами одели в серый кофат. Но ее взгляды и выражения лица, что можно было определить что она была измучена.

- Добро пожаловать! - проговорили они отрывисто и горько.

В комнате слышно несколько кроваток, в которых. Кроме сеников ничего не было, с жесткой принадлежностью. Дети же забранные а матерей отпробовали опыта в камеру. Завтра, а может быть сегодня, придет врач-женщина, забирет из этих детей кровь для немалых средств. Тиниговская не дрались крови взрослого человека, бодились эти в крови советского человека сент советским идеям. Тем можно заразить немца. Ватновою они илюминировали детей кровью. Обескровленные дети не могли ходить, а ноги, убранные в матику, вывозили в Сибирь, в общину для с заботами.

3. Упоминание.

Трошева продержали в тюрьме камере двое суток. Это было самое страшное время из всего периода двух месяцев и одиннадцатидней, проведенных в камерах. Сд, здесь он беседовал со многими заключенными. Силу рассказав много нового чего он не мог знать, находясь в одиночных камерах. Трошев откровенно высказывался перед товарищами, не обращая внимания на то что за ним

Следил шманы. Этот старший паразит, умышленно попусти-
вший, только ради нас, у нас Трошова, задавая такие вопросы,
старается вызвать окончательное решение Трошова в
своих действиях. Когда Трошов говорит присутствующим
о призыве к войне, о победе Красной Армии,
о близости дня, когда русский народ и народы всего
мира будут свободны и счастливы. А мы, паразиты, — мы указыва-
ем шманы, — уничтожить народ, который они не хотят
благополучно жить. Трошов не боится за свою жизнь,
по сути, конечно, всемирно, в сердцах других людей веру
в торжество победы Советского народа. Через полчаса
шманы пробуждаются в дверь и его убивают. На предпослед-
ний день Трошова убивают на допросе. Он мучился и прощались с
товарищами, которые проводили его с добрыми воле-
ниями. Прощаясь, Трошов пошел к мебели, следователю
Фришеру. Как только Трошов вошел в кабинет он
увидел сидевшего за столом шмана, который похури-
вал слезу.

- Фришер? - презрительно спросил Фришер.
- Помогите вам давно известно.
- Скажите, товарищ Трошов, — начал Фришер, прощаясь
ударением на «в» шмане, — вы не знаете
того человека. — При этом он указал на сидевшего
шмана.
- Такой же человек как и ты. Но груба, ваша рабо-
та. Мы — советские люди, умеем видеть и понимать
все что происходит. Недумайте что советскими
делами Советского Союза — это расеянный человек
мучим. В устах советского человека звучит правда.
Все мы не должны сказать и в ваших газетах.
Никто и никогда не замышляет голос правды.
И — как советский человек задало всемоу
о вашей неменьшей идее. Вась, наш человек —
вернее, будет проклинает поколения паразитов, как
самых злейших преступников. Моя жизнь в ваших
руках. Будет я пошлю, но никогда не уйду
просто дело народа, везущего героическую борьбу
с фашистскими пошлыми. Больше ничего не
скажу, только мне казнить.
Трошов стоял спокойно встал на Фришера.

10.
- Кошачьи нити! — шманы во время сидеть зубы
Фришер — Но ты будешь все наши говорить. Мы заставим
тебя рассказать обо всем что нас интересует.
Он начал шманы. В кабинет вошли сопровождавшие
Трошова немцы и поешивали.

- В Комнату шманы. — дал распоряжение Фришер.
Трошова провели по длинному коридору в комнату
у двери шманы и зашли в крайнюю дверь.
Маленькие двери, оббитые изнутри войлоком, зашпору-
емые всеяд за Фришером. Комната небольших
размеров. Обстановка комнаты наводила ужас.
Посередине комнаты стоял стол, приспособленный для
порки допрашиваемого. Он был для зашит кровью. Одни шманы
засыхали, но они несли шманы новой крови. В углу стояла
кадка с водой, около которой сидело ведро. На небольшом
столе лежали: шманы, шманы, наружные шманы, Клеши,
Кави — то порошки, шманы с собой и другие орудия пыток.
На стене висели шманы с проволокными наконечниками
и ружейные патроны. У противоположной стены на полу
лежала доска, длиной до двух метров. Все она была
убитая толстыми шманы шманы. Концы гвоздей
простирались всего доску и возвышались над ее поверх-
ностью на 2,5 — 3 см., образуя шманы поверхность. Это
этим шманы гвоздями заставляли шманы босого человека.
Потом на середине комнаты, от потолка вниз
опущенный канат, он проходил через блок, укрепленный
у самого потолка. На одном конце каната был
крюк, за который цепляли наручники, одеваясь
на руки пытаемого. Шманы, шманы, шманы — все было
заблуждено кровью. Также шманы кровью.
Трошова стали сечь шманы. Ведро кололо шманы,
которую вылили на него, привело в шманы. Кровь
защипала глаза.
- Смените шманы? — задавал вопросы Фришер.
- Шманы. — шманы шманы Трошов.
Расеянный шманы шманы шманы. Какое шманы
шманы шманы! Канаты шманы шманы шманы шманы
шманы и вынуждал его шманы шманы шманы.
Сильно зажав зубы, Трошов продолжал молчать.

Молчалив громова еще больше злило панарей.
Они думали уединять молоты, раскаивались, но
ошиблись изверги. Громова заставили идти по
воздуху. Воздух возмущен молотом в него, выходя
уменьше боли. Кровь сочилась из ног. Сидит при
подоме Громова, свалившись на пол, померз в сознании.
Его выбросили в камеру № 6. Оперт так называемый
одиночка, камера, с закрытыми ставнями, уменьшенными
сквозняками, вонючей. Метел мучительные перемены
ваши дни и ночи, метел опущенных дощечек и
пыток.

Последний вопрос.

Громова два месяца 10 дней, как Громова попал в СД.
За это время его садили в 13^{ую} разную камеру.
Много раз слышал разговаривать на допрос. Его держали
в камере смерти без воды и пищи. За
много раз слышал допросы давал около 200 ответов и прези-
мых напек. Работы помыслили совсем. Обливали холодной
водой, поили соленой водой. Зажимали пальцы
между дверью. Колотили под ногти молотом, заставляли
бегать козлом по воздуху, вбить в дощку. Колотили
молотом в локти, в плечи, но никто не слышал ни
воин Громова. Теряешь немыслимые муки от стра-
данья и на зов врагов. Сегодня его вызвали на
последний допрос. Допрос вели зеленые панарей.
Битнер. Об этом панарей. говорили, что у него
даже мертвые отвечали на его вопросы. Это был
человек среднего роста с квадратным лицом и
ка. Его темные глаза говорили о мучительности
тоски этого человека. Громова завели прямо
в комнату пыток. Битнер стоял у стола, заставив
руки назад, напоминая своей позой мученика, отча-
янного когда подадут ему еще раз удар молотом. Как
молот Громова завели в комнату и двинули на
пирю, Битнер улыбнулся и сказал:

— Ну, Громова, хочешь сказать, что ты короче
или по-малому? Мне кажется, ты уже доста-
точно на своей шкуре наших репрессий. А за
это, во имя чего?

— Во имя торжества свободы и вашей жизни. 11.
Когда вы будете разговаривать, то она говорит
о вашей жизни, свободе, правде, она говорит вам
жизнь. Я тоже пришел все спускаю, мука, смерть,
но только слышишь то, что говорю для меня - Родину.
— Ах, так значит вы тоже - Зоран Битнер, неужели
по поводу своей родине - Мок!
— Два дня и ночи провожу, идущий от расстрелянного
человека, по имени К. меня Громова. Каждый знает
это может сделать электрический ток, если его
пропустить через тело человека. Громова слышит и
идет пошел на звук и был слышен расстрел зубов.
Тот замкнул язык. В таком сильном напряжении
всей нервной системы терялось сознание. Холодной водой
приводили в чувство. Раздался звонок. Немного отдохнул и
в комнату. Было при нем еще двое офицеров. Битнер
вышел в студию и отдал рапорт на немецком языке.
Это пришло майор Моисей - командант гор. Бобруйска.
Это он пришел поговорить с ним, его собственным
распространяется с советским молотом. Моей достану думою
напирок с пороховыми мушкетерами и предположили
всем панарей. Битнер рассказывал молотом, о Громова.
Громова стоял с опущенной головой. Вскрептом, своим языком
и было вздох на летучей на полу резиновой панели.
Босой, в черной обуви, с молотом напирок
обгоревшими волосами, худой, потерявший с зажимом
молот кровью на лице. Рассказывал, что в то время
было там все что называется способностью органи-
зации давшие. Но нет, врач вынул кровь, и сущими
молотом, изуродовали его внешний вид, но неважно
бессмысленно. В нем вера в правоту своего дела, она
и только она его поддерживала и жила, даже в такие
комнатные минуты. Битнер подает команду молотом.
Громова орет, нарушитель. Наружники одеваются
на пальцы рук, охватывая средний сустав пальца. Оба
нарушника соединяются между собой цепью, в которой
находится крепкая ковка. Препятствие или адские наруш-
ки рук Громова отбили за цепь. Ковку нарушников
зачем за крюк, прикрепленный к стене. Дослідит

попавшим за други концы каната. Канат цепьские
зны по бую. Медленно пош Бромова поднималось вверх.
руки выворачивались в палец. Бомбы трещали в
судават. Бом, невыносимая боль! В глазах туманно.
А вот, откуда он бранит, точно кто сверху пошван
водой. Все тело обливается потом. Все секунды, но, когда
прошел газы. Брошено в каной-то ОН. - Это уже ка-
танана торжествует смерть. Но вот, Канат бросает и
тепло падает на пол. Снова вода. Одет зубило. Непрерыв-
ный дождь. Бромова толкает под бок, поскани сапог,
задавая всевозможные вопросы.

- Русский коммунист. - со злостью сказал слона и
Деметриус махнул вынеси из комнаты.

Битнер взял нож и быстрым толчком вошел его
Бромову между бровями и указательным пальцем
руки, надеясь заставить заговорить Бромова. Но Бромова
молчал. Кажется, он потерял все свое зубило боли.

Поняв, когда Битнер сказал отправить в камеру и 15.
Бромова прощание прощанием стон, исходящий из глубины
его души.

Черный ворон.

Каждый пятница являлась самым тревожным днем
в тюрьме. В эти дни проводил отбор заключенных,
приговоренных к смертной казни. На протяжении недели
помещавшиеся среди всевозможных и новых фамилий,
они были приговорены к смерти. Отводился
отдельная камера, а также была всегда камера и 15.
куда сажают всех приговоренных к расстрелу. В этот
день каждый думал, что вот назовут его фамилию,
заведут в камеру смерти, разденут, нагого заставят
провести ночь, знав, что через несколько часов его
расстреляют. Собрал всех в одну камеру, нагого раздевали,
одежду укладывали в мешки и куда-то уносили.
Всех в одну камеру люди сидели ночь.
Какие тихие прерывающиеся. Маленькие плакали,
прощались с детьми. Молодые люди прощались
своей будущей женой, начинали от дельца и кандай
Камеру смерти. Они еще молодые.

У них сеть прекрасная Родина, восстававшая их, за 12.
Которую они дрались с врагом. И когда франши
засаживали их в камеры смерти, подвергали невыносимой
мучкам а теперь приговорили к расстрелу, советские
люди обещали верными сынами и дочерьми своей
Родины. Умирая они знали, что близок час, когда
враг будет уничтожен и родина будет попрежнему
свободна. Народы затихнут еще сильнее. С таким
благородным смелым умирали эти люди. Рано
утром, около в 3-4 часа, в тюремный двор заезжали
машинисты. Машинисты приходило столько, сколько их
было нужно для погрузки всех заключенных, пригово-
ренных к расстрелу. Окромя машины, ебуживали
на кузове, вешали по 40 см. кандалы. Эти машин-
ны были выкрашены в черные цвета со своей жер-
ной раскраской. Карательный отряд нечеловечески
стойкую цепь (с авто) в два ряда от машинки
до камеры, где сидели смертники. Случайно выде-
ные немцы, заходили в камеру с пистолетами, коммен-
проводами, нарубленной дилитой по полу метра. Один
немцу держал мешок, в котором находились пушки.
Два немца брали заключенного. Руки его заводили
за спину и отводили их назад, сжимали коммен-
проводами. Крючки коммен-проводами вонзались
в тело, вызывая невыносимую боль. Немцы, с мешком,
дожидались немца и забирали его, кандай, у кого были
сиротены руки. Заключенного вели между немцами
в машину, так поступали с кандай. Когда
машинисты были нагрудны, они отправлялись в
Еловик. В Еловике уже были приготовлены
длин. Одеяла человек выводили из машины,
ставили их на землю и выстрелом в затылок
или автоматной очередью отнимали жизнь
людей. Иногда кандай бросали в ямы, деляли
несколько автоматных очередей, после заставляли
землю. Так помирали черные франшизы немцы
советские люди.

Камера смерти.

Спустился Чкал после дождя. Тромова взяли из камеры
№13 и повели в камеру смерти. Камера смерти была
при тюрьме, такой же, как и камера. Когда вышли на двор,
Тромова не верил своим глазам, казалась, он только что
родился на свет и впервые видел все вокруг. Красота
природы. Еще думал, как начал заводить
Тромова в застенки СФ. Не было до того гонимое и
жестокое, каким его Тромова никогда не видел. Одно
светило солнце, насаждал своим лучам зеленые кусты
недавно расцвевших деревьев. Трава покрывала землю
зелеными бархатными коврами. Миллионы насекомых
развились в воздухе. Были птицы высоко над землей.
По тропинкам проходили тысячи разодетые женщины.
— женщины, полюбившие нежные одежды, эти женщины
улыбались. Они смеялись, показывая своим, раскрасавив
широко рот, при виде Тромова, медленного медленного, в
оборванном плаще, избитый, запертый, пошатываясь,
с предостережением на груди. "Партизан-бандит". Но
но они не могли видеть, что он был не партизаном, а
матерью, бывавшей в плену. Они видели в нем
Тромова дорогого сына, отцовского до конца своего
крови во имя Родины. Во имя победы над врагом.
Тромова вели Чкал с автоматами наготове.
Они и теперь еще боялись побед этого человека, так
опасного и страшного для них. Одно слово партизан
приводило их в трепет. Тот маленький двор небольшой
и безмолвен. Своем тихом здании по-прежнему все
уверенные жизни, отбросив у них все что не было
мо для жизни, заперев мушкетеры, снаряды, мушкетеры,
матери и смерти. Демурный противник замкнул,
подавшему ему Ковалеву, улыбающийся сказал: — Смертник.
Смертник. За мной веди. Он открыл железную
дверь: — Поманите же. — ежизно заперев двери.
Тромова вошли в камеру. Это была домишко ко-
ната 6 и 8 м. Стены не были белыми, а были
изразцовыми, прикованными к смерти. Угнетенный
пол покрывал грязная вода, которую полагали
сюда сбить дыры в крыше. И покрывавшейся ко-
мок, в дождь все время. Она стояла здесь

25¹ 13.
постоянно, потому что ее сушить не удавалось.
В камере было маленькое окошко, скорее похожее
на надзирательщую щель, куда попадала узенькая
полоска света, отражалась на серой противополо-
пленной стене. Виднелась засохшая кровь, она
в виде брызг покрывала стены. В камере никого
не было. Тромова был первым смертником. Было
он не ходил. Сегодня он прошел около Ковалевы
и ночи так устали, что не было ни сна.
Приблизившись к стене, Тромова медленно
опустился на пол, погубив холодной водой, проли-
вшею через его рваные штаны. Бросил свой взор
на стену он прочитал: "Нам смерть не страшна.
Мы никогда не уйдем".
А рядом: "Мне 17 лет. Моя жизнь только расцвела
как маленькая роза. Забира меня расстреляют или
хотят сказать последние слово девушкам. Не
забывайте тех кто отдал свои жизни во имя
торжества свободы и разума. Любите Родину. Будете
готовы всегда умереть за нее."

Комсомолец Павел Румянцев.

"Прощай Родина, прощай мать. Вы были так
дороги для меня. За вас, только за вас я отдал
свою молодую жизнь. Партизан Савицкий."

"Я — тех. Сражаюсь вместе с советскими народами
за Родину угнетенных и пораженных — Советский Союз.
Меня забира расстреляют. Не придется мне увидеть
свободу и счастье. Тех, любите Советский
народ, он достоин любви и уважения."

Техский партизан Роденбург.

Комсомолец, храните священное знамя
Ленинского Комсомола. Рашкин вырезал у
меня на груди Комсомольский билет. Угробив
Козлов суебно отказать мне от Комсомола.

На пышки начеяй я отбейти: я там и в
ушу Кошомочем.

Кошомочу Виктор Тучин. из 2. Чернигова.
Грибштампу везер. По коридору угащались там-
это проверили наши приговоренных к
расстрелу. Загнели забор. Отвернулись двери. В
Камеру вошли. при человеке - два немца и
коммюнисты.

- Снимай одежду, - приказан коммунист Тромоу.
Тромоу сидел неподвижно, немцы на нем
Титмаровым стали снимать одежду. Они
просто рвали на части и бросали в угол. Когда
закончили с Тромоу все шло направил
к двери.

- Следующий! - опять крикнул коммунист.
В Камеру бросили молодую девушку. Лич. ее
было венское и окривлевшее. Даже трудно
было определить ее возраст. Но по ее голосу
можно было дать 16 лет.

- Годи, изверги, - кричала она.
Сталки с нее всю одежду, один немец взял за
ногу и волоском пропихнул в другой угол, где
сидел Тромоу. Серебристый прядь волос, смета-
ющая в грязной воде, пропуща сердце Тромова.
Он вспомнил молодую девушку Лизу Фвайкину.
Могло стать так же волосами. Еще больше
становилось сердце. Они дали друг другу клятву
быть друзьями жизни. Где же была она, но
никогда не дождаться ей. Но в горле тем, что
она вспомнил обо мне.

- О майзе, бандит! - заорал немец.
Тромоу перевел свой взор к двери. В Камеру
забавили мушкетер средних лет. Это был
человек сильного телосложения.

Сильные мускулы руки были сжаты
провокой. Рубашки на нем были. На широкой
грудь, что покрытой волосами, была
вырезана пятиконечная звезда. Кровь лела
сильной струей, которая осветила рану, и издала
пылающую. Как только немцы наклонились и забрали
руку, чтобы оборвать все что было в руке, муску-
лы с силой двинулись под толку его
в шок и немцы поехали в сторону, много шума,
разбавившие на грязном полу. Это были
набросили они на того мушкетера. Был
приказали, ноги, Кошомочу Кинжалом.
Я когда мушкетер обесилел ушел на пол,
стали топтать ногами по голове. Глубокий
стон вырвался из груди умирающего героя. Это
был его последний голос, голос состоящий
из гласной и согласной речи, а из пропущенного
такого же слова много, мы терпели
нам в борьбе роковой. Скоро он скончался. Так
не пришлось Тромоу узнать его имя и
фамилию, кому через смерть, но Кошомочу
знать имена таких бесстрашных людей.
В Камеру бросили все новых и новых
смертников. Здесь были краеваришцы, дисан-
теры, партизаны, девушки связники, старухи -
матери партизан, даже дети по 12 и 13 лет. - Это
самые молодые патриоты Родины. Это они
милитаризовали немские дивизионы немцев -
милитаризм, за что их приговорили к смерти.
К девочкам залезла камера была заперта
полностью. Могли, будучи в своем доме
свободы в огромную куту, оградившую гетто
стенами, чтобы не могла разбиться. Ас,
кто попал под из, стояли, плакали,

просили помощи. Но никаких возможностей и
не было тогда одичавшей уральской стоянке. Бойцы в
тогда было обескуражены, даже не могли переви-
раться. Около 200 человек брошены в эту бойню.
Какие ужасы переживали! Каждый измучен-
ным, истощенным, опухшим камнем в это время, время
последних часов жизни. Словно миссия рождена
в тот же миг; одна абсолюта дружно. Стенные
передумать обо всем это было, что будет без меня.
Нарвать много своей жизни, дать всему всему
моя жизнь, о чем более думать и думать.
Такая же жизнь, стояние умирающих заставило
больно стискивать сердце. «Милый маме, я буду
больше не увижу. Где ты есть? меня завтра
разрежут». — слышется уже 12-й день мамы —
уже. — Милый мой дитя, вы остались одни.
Кто вас приласкает, оденет, покормит? — Это
матушки матери оживали своих детей,
свою материнскую гордость, свято оберегающую
советской власти. Вот когда они еще больше
попытки два мира: мир, который им обещали
счастливое детство, радостное материнство, свободу,
равноправие женщин — советский союз. И вдруг
мир сменяет смерть, голод, рабство. — Камня —
материнский мир.
«Броуны родные. Я не в этом мире, борюсь
за меня, умираю за меня. Я не знаю своей
жизни, отдаю ее усердием и пошлостью за
то что ты твой безграмотный мир был
бессмертен; во всем счастье и радость тебе
умираю советские люди». — Это слова
матери на Михайлова, Краснодарский и др.
И сколько выказывали и изречения

вырываются из уст смертников, промывая
самыми сильными чувствами человеческого
морали. Ни один не просит помощи у врага.
Во многих войнах стали сержанты, хотя бы
роду 20-25 лет. Вот куда надо было бросить
тех людей, кто еще не верит в силу советской
морали. В преданной советского человека своей
Родины. Проходим последние минуты.
«Хотите скорее расстрелять». — Все больше
и больше слышались из уст заключенных.

Борьба продолжается.

Здание загромождено. — Это машины всехали
в тюрьмы двор. Это приехали прише-
леры за жизнью тех, кто сидит в камере
№15. На несколько минут возгорание машины.
В камере. Как будто камнями старались ускорить
моя, идущей смерти. По Коридору забегали
матери, карабкались. Их мать слышала
все слышала и отбегивала. Раздавался команда
на немцы и др. — это орудия подан команду
прийти к дежу. Физы открылись. Показались
жизни лица французов, скучно замигивающих
своими зелеными глазами в камеру. В виду того
что в камеру не было возможности войти, стали
по одному вытаскивать в Коридор. Они раз-
давались проклятия и агрес. Врагов. Они, по-
кажи Конен складывали последние слова. Но
больше всего не умевали выразить свое мнение,
как в их рот попадала презренная трубка. Тогда
обрывались, заканчивали произнесенным мнением.
Такая прощание большой практический опыт
в своей работе. Прошлов находились в самом

давать нам утку, так что ему пришлось войти
самым последним. Камера оцеплена.
Менер начали работать в камере. Подождали
Троиму сиротинку ему руки. Троимов так
много слышали, что оцепили ими Команду
проводники, длиной до $1\frac{1}{2}$ см. почти полностью
возданы в него. Троимов держали на стоянке,
Крепко затаив зубы. В магазине заперлись. Зубы
защелкались. Ничего не заперлось. Медленно
ступая, оцепившими ногами. Троимов прошел
по камере, именуя боковыми ногами погребной
воде. В узком коридоре по обе стороны
стояло две мерные соды. Они держали авто-
маты наготове. В это время, когда Троимов
проходил между ступами, его почти каждый
менер толкнул ступом автомата. В бок. Вот
он на дворе. Светлый ночной воздух. Как хочется
вдохнуть его по рот закрыт. Через нос трудно
дышать. А мажорские так же это воздух вы-
калывающий канцеляр выводит через уши. В машину
вталкивали Троимова два немца, стоящих у
машины. Моторы загудели. Битые машины
нагруженные на 40 лет. Двигатели одна за дру-
гой. Из собак будки машины ничего не было.
Видно, немцы были определены куда ведут. Но по
Команде оратора можно было догадаться, что
поведут в Еловик. Троимов Умил, но они
казались такими прозвонили, что будит их
заменили гасили. Но вот Еловик. Вот то
место где десятки тысяч советских людей
погребены франками. Здесь расстреляли около 30 тысяч
евреев. Здесь расстреляли тысячи советских
военнопленных, тысячи советских работников.

4.
16.
28
Вот почему слово Еловик стало страшным
словом каждого человека. Три упоминания Ело-
вик по нему пробивало дрожь. В магазинах стояли
мешки мешков, зарытых в огромных ямах. Выво-
дили из машин по 10 чел. Это делал нам
не было видно из машин. Сидели они авто-
матыми оцепили, извешивали о казни това-
рищей, выведенных из ямках машин. Не было
сидели ни плеча, ни стопа. Казалось, вприроде
зарыли их и автоматы оцепили надумали се. Вот Оцепил Троимова. Копи
была немцев. Над нами шумели лесом,
насквозь боссы нем. Борьба к душе. Яма была
менее 30 футов. и мешков 2 мешков. Трудно
ее трудно было определить, потому что в ней
уже не было шума. Было человеческой
Губы. Немцы стали бросать каждого в яму,
ударив сильно в затылочную часть. Троимов
полетел в яму, раз два перевернулся и ушел у
самой стенки ямы. В этот момент раздался
сильный взрыв. Они набежали один за другим
все били и били. Казалось, вот. Вот они
раздаются и здесь над этой ямой. Это разби-
вали двумя метрами-двуми кубы. Били
за свои жизни, наскоро пробили
из автоматов в яму, сели в машины и
уехали, оставив яму незащищенной. Когда
уже моторы стихли и взрывы неслись по
рябам, наступила мертвая тишина. С трудом
спав на нем, Троимов стал прислушиваться.
Бойне никто не поднимался. Хотелось позвать,
но рот закрыт тряпкой. Яма была почти
полностью загружена трупами. С трудом
выбрали Троимов из ямы и медленно пошел

Кустарником в направлении Козьмоу шло,
мимо Градово. Когда его встретил маленький
Совицкий Яне, из деревни Михайловки,
оказавший ему руки, Трошев вытанул из рота
тренику и сказал: Борьба продохнется.

Они Культурные люди.

12

29

Нешукные заеи вступили в г. Бобринск. Все
улицы загрохали машинами, танками, танкетками,
сандалями. Передовые заеи с марши по домам,
занимаясь грабением. Из домов тащили себе
продукты, одежду, обувь, домашнего утвари. Повили
Курей, свиней, коров, овец, лошадей, малышей, детей,
стариков. Это зрелище напомидало картины
варварского нашествия. Никто не мог противостоять
воинствующим. Все молчали, с болью на сердце,
смотря на происходящее. В домах остались женщины,
дети да старики. Все мужчины ушли на фронт.
Тимирязевская свара с дикой злобой издевалась над
женщинами. Под елкой оружию наемниками женщинами,
девушками, даже детьми 13-14 лет. Семидесятилетние
старушки или звонили первыми варваров. Около
поблизости старушки проходила 14-летняя девочка.
Она ехала домой к матери. Набегавшая мимо
женщина - Карамышница. Никто не смел, напои
схватили девочку за руки и потащили в пассажир-
ский вагон, который стоял на запасном пути.
Заведя в вагон, напои стала выполнять свои
зверинские акты. А когда все поучили удовольствие
ее прибрели. Такого пошлого дачного поведения
свои черные дела. Старик - ермачок, который
видел всю эту картину, сообщив родственнику Антону.
Мать не знала что делать. Она бросалась во все
стороны как раненая, пытаясь, спрашивая советов,
помощи у близких. Кто-то посоветовал бежать
матери обратиться обратиться к военному коменданту.
И мать пошла, надеясь получить помощь. Не успев
идти, так сильно ошиблась. Вторую дочь убили мать, к
Кому так идут напои. Это он приказал
уничтожить советских людей от старого до малого.
С большим трудом мать добилась разрешения на вход
к коменданту. За столом сидели злые напои. Мать
он не дал договорить Анне Смирновой, сидевшей у нее
рядом, сказал: - Терпеливые сандальники этого не сдвинут

Они - культурные люди?

Записано автором со слов Анны Семеновны
Кородовой - матери вышеописанной девочки г. Бобринск

Они не верят в Бога.

Это было на первый день паехи 1943 года.
Ярко светило солнце. Солнце небо еле-еле видно
своей синевой. Несмотря на то, что везду была
погодезна, немцевская и немецкая идеология считали
французского ретива, все по-прежнему проводили
свою военную работу, гонимые, ретивые, упрямые.
Их, стараясь выжить, народ, свои идеи, военную
из народа, почитали, работ. В этот день в г. Бобринске,
в Николаевском соборе, выступили немецкие агенты,
которые зашли:

" Советские люди не сдают веры в Бога. Они разро-
утили церкви и монастыри, разбросали все имущество.
Советские люди сдают барбарами. Они убивают немцев
солдат, которые хотят им дать свободу. Русские
работают на таких праздниках как паеха, не соби-
рают грехов. Они хотят убить немцев даже на бойню
прогулки. Борьба против совет. Они все открывают
церкви и школы. Молитесь за Адольфа Гитлера."

Это говорили в 11 часов дня. А в 12 часов дня, т.е.,
ровно через час, произошла утренняя Картина, которая
открыла поднос много варваров. По улицам двинулись
старушки с утками, возвращались из церкви. На улице
или. Немецкие собирали толпы немецких солдат. Из сме-
ных домов выдвигались немецкие солдаты, поворачивая
мелко сбранных. Это случилось? Спрашивали друг у
друга, проводящие много людей. Немецкие солдаты,
вооруженные автоматами, толпами в ступу, остав-
ляющих немецких, Крива во все горло. Век! Век!
Скоро все стало злым. Около самого забора
рдеи дерево. На высоте двух метров от земли,
у отпоятой ветки, возмел немецкий солдат. Это - то
убивав. Все догадывались, кого-то будут вешать.
На это же подвинулись. Зас толпу, назав немецких
"офицер Кривыми руками за их варварство, за их

безверие в Бога. Ведь сегодня первый день паехи. Немцы
верят в Бога, они не должны сегодня умирать казни? 30
Так рассуждали между собой старушки. Но немцы
отказались рассуждению тех, кто еще не до конца понял
защиты французской коммуны. То Казань человек,
белый только в китине бели. Да, то был молодой
человек лет 18 лет. Вспомнил белую, волосы придают
его лицу, темноватый вид. Он одевал взором сбранных
са немцев, взглянув на людей, стоявших далеко на
улице и умишленных. Его умишлен был презрением к смерти,
выражением ненависти к врагам. Год-то руса одна
на мою пещю. Убрали еще, на котором стояла смерть,
и тело мерно заколочено, толпа махнула. Немцы
морщивались. Роздавались возмездия в честь победы
над одним партизаном. Одежда, стрелы из пистолетов,
попадали в толпу, повешенного. Анны сущности Крива
пошевелила на темный теск. На небольшом расстоянии,
повешенной на груди, каменного, было написано:
" Партизан - бандит. Каждого немца, такого
убить, кто посмел поднять руку против немца."

Вспомню про нем, это была безвинная жертва.
Французский ловили в городе Умрих парашютистов.
Но не удалось, врагу, воям, ловили немецких диверсантов -
парашютистов. Там же, ретивым по городу. Они
оценили у себя, квартиры, обжигали камины, двери
дом. В это время из Бобринской крепости, где поме-
щали наглы в китине, бежал он военным. Он
зашел в один дом, по улице Крива-Морис, т.е. перед
в умишленных форму, так как в военной форме
трудно было выйти из города в партизаны. В этот
момент, когда он передвигался, в дом зашел немец.
Схватили его, носил небольшого дровосек-повешен.
" Нет, они не верят в Бога. Они - злое. Они не боят
греха." - Сказала старушка, заливая слезами.

г. Бобринск. Описано сам автор.
Находясь в городе в разлуке.

Он убил ее.

Осенние сумерки окутывают землю. Мороси мелкими дождиком. Усталые ноги скользят по мокрой дороге, ведущей в г. Подрушек. Серый красноватый спортук, старый, грубый, дырявый, простые кожаные штаны, выкрашенные в синий цвет, синие майки, до колен обмотанные черными спортивными, вот внешний вид человека, идущего в горы. Он маленький, быстрый, маленький, наизрядно все знает. В боковом кармане спортука лежит пистолет, тщательно замаскированный. Всем известно, что в кармане был маленький, крошечный, выданный Градовой волостью, но это будет все так и так, так же. В горы вошли быстро, незаметно, даже мажоранты не заметили их. Вот она, работа, усталость, изнеможение, из-за большого груза, здесь не ходили раньше, даже не ходили спортивно, проходили другой дорогой. Показавшись маленьким домику. Впервые раз посылает его Фимфи Трошов. Мимо на улице и в домике. При условии сигнала и мертвого тишина, зарывшая в домике, была нарушена suddenly, открывающиеся двери.

— Фимфи? — Спросил тихим голосом старушка.

— Да, мама. — отозвался Трошов.

Быстро перевернув ключик, дверь оказалась вывороченной, как маленькая комната. Это была заставленная старушкой комната в этой маленькой комнате, вынул ее из дому. Старушка подошла к Трошову, обняла за плечи и крепко поцеловала, как целует мать своего родного сына, после долгой разлуки.

— Ты совсем мокрый сынок, — с материнской нежностью сказала она, обняв сына. Эта старушка была из тех, кто Советского Союза — барановская. Сына ее она любила, при освобождении Голубин, сжигая в танке. Показавшись в домике у бедной матери, когда она потеряла любимого сына. Теперь она была обмотана парижскими в борьбе с франкистами. Она доставила кой-какие сведения, купила предметы для партизан, зацепила на плечи.

Трошов сидел бездельно, ожидая. Полицейские стояли в дверях. Трошов приготовил пистолет, готовый на первом же пошлуме. Это пришла ее фаворитная женщина. Молодая краевая девушка лет 18 лет. Но ее разговору можно было предвидеть, что она имела обидное.

— Как можно тебе! Не знаешь ли задержать? Почему ты Тане не идешь к маме.

Тане — нечего у мамы.

— Зови тебе этот Тане? Братцы пойдут на работу. Ряд Советский народ знает с фразой. А ты не идешь к маме. Врага обиди. — Как тебе не стыдно. — Сиди сиди в двери. Она быстро вышла в Коридор.

— Кто там? — Спросила она звонким голосом.

— Тане — отбился некто.

— Тане, Тане! — Радостно вскрикнула в комнату Вина.

Не успев некому перемахнуть через порог, как она повисла на нем, стала покрывать поцелуями его старое лицо. Одинок, восток СС, кто поцеловал на Трошова.

— Мой маленький — молодая старушка, заметив дерзкий взгляд орудия, произнесший Фимфи. Вина уперлась пальца в бездельность. Она повторила ему несколько раз отом, что она связала свою судьбу на века с ним, а он так дерзко поцеловал себя.

— Ну ты Вина. Нам же друга не нужен. Мы не зовем тебя больше своим братом. Мы погорим советских девушек. У старушки показались на глазах слезы. Она говорила с такой обидой, что ее рот превратился в захватывающее дыхание.

— Прощай, мам... Что ты тогда будешь делать?.. Бесстыдница...

— Не упрямьтесь мне во всем этом, — начала Вина, идов договорив старушку. — Из-за того дела я сознательно обдумала свой поступок. Девять лет ужила с ним? Мне не нужны деньги. Остаток — нечего. Вперед! Нам же нужен тот, кто завоевал. И мы на века с ним. Она подошла к нему, стала рядом с ним, обняла его за плечи. — Мы будем жить радостно и счастливо, а вы, — крикнула она, указав на старушку и Трошова, — уходите в лагерь. Старушка не сказала ни слова; она плакала отворачиваясь к стенке.

Дмитрий сидит, стараясь держаться спокойно.
 Ни слова он не проговорил до этого момента.
 Виз бурз, которая сотрясала его нервы, побуждала
 силой воли. Но величайшее было Конец. Когда Анна
 сказала последнее слово, чувствую с одержимостью,
 что опирающийся на край стола, вскрикнул Дмитрий.
 Тронов выхватил платок и одним выстрелом покончил
 с речью. Анна вскрикнула и в ужасе смотрела в сторону,
 вымороженая глаза на умирающего одиозера.
 Дмитрий навел платок на Анну.
 Бледная с опухшими глазами, смотрела она Тронова,
 стараясь заговорить, что-то сказать, но в нервы молчала. И
 только с большим трудом она прошептала.
 - За что? Я... не виновата... Я хочу... ти-ти...
 - Ты хочешь жить, а сама продаешь врагам человека
 как жизнь. Продаешь жизнь. Блестящий Тронов
 Ясно увидел в душе Анны немую мольбу. Это
 она продавала немцам за деньги. Это она выдала
 Анну Орлову за 2000 марок. Это она опирала мольбу
 похитившую многообразие в городе.
 - Ты хочешь жить, - продолжал Тронов, - ты хочешь
 умереть с ними. За жизнь родим. За позор
 Советских девушек - как тебе!
 Маленький вскрик. Ну, прощай в любовь твоей жизни.
 В ночной тишине, под дождем, пробирался в партизанский
 отряд Дмитрий Тронов и Анна Васильевна.
 1. Бобруйск 1943 год.

Материнское сердце.

Это было в июне месяце 1941 года. Лучшее июньское
 утро. В природе царил покой и спокойствие.
 Автомобили, мотоциклы, танки, стояли у дома, отходя
 прикосновения руки хозяина. На улицах было безлюдно.
 Мать давно не спит, но никто не выходит на улицу,
 пугаясь немцев. Даже ставни окон не открывают,
 чтобы не видеть, что делается на улице. По улицам
 молчаливо, шагая крупными шагами, шли два немца
 в форме. И как-то маленьким смышленым ребенком
 на руках. Ребенок пожимался и торопился, восторг

сзади: Умми! Умми! Маленькая Анна молчала из 20.
 22., с крапивою белыми пятнами, большими прыщами
 на лице. Она была взволнована. Глаза влажные слезами.
 Темные длинные волосы в беспорядке спускались
 вниз. Эти волосы так тому назад были зачесаны
 в тугой косе, но теперь распустились, ища затишья.
 На белом платке лежал вышитый ежик-сидящий котенок.
 Она шла тихо, прижимая к груди голову, в том напру-
 жении, куда вели ее плечи. Когда подошли к длинному
 мосту, ведущему через реку Березина, оба немца
 закричали: Хайт! Хайт! Женщина обомлела,
 вздрогнув от неожиданности криков, напружившись до предела
 молчанием. Один из немцев перешел к ней и по-русски.
 Подошел к женщине, он держал за волосы сзади, что
 женщина пошатнулась.
 - Евреи должны все покинуть. Ты-еврейка. Должна
 умереть. Нам немцам нужен Красота. Нам нужна
 новая жизнь, с ней же должны умереть... Он приподнял
 к самому лицу ребенка.
 - Ребенок твой прекрасный ребенок.
 Мать, уловив эти слова, крепко прижала к груди
 своего дитя. Тело ее напружило кровью. Она поперхнулась
 слезами, боясь за свое дитя.
 - Не дам! Не дам! - закричала она. И тогда
 слыш. Это дитя отозвалось в утробе матери.
 Один немец стал дитя женщине пожимать.
 Другой, наклонившись над ребенком, начал говорить про него
 много слов: Про... ро... сам... и до... не... не... слыш.
 - Стрелы... начал. Умирай мать. За каждую
 жизнь, которую увидишь, ты получишь столько же
 жизни. Три дитя она пожимала в это время
 спящего ребенка.
 Розданы вскрики, второй. Мать наклонилась на
 ребенка, где лежал: мать и дитя, пожелав
 в похоронную яму Березины.

(П.З.) Со слов партизана Лоса. Он был
 охотником. События Бобруйска
 1941 год.